№ 82

ЦЕНА 10 СЕНТ.

ДЕЛО ТРУДА

DIELO TROUDA

ОРГАН
ФЕДЕРАЦИИ РУССКИХ РАБОЧИХ ОРГАНИЗАЦИЙ
СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ И КАНАДЫ.

ОКТЯБРЬ-НОЯБРЬ 1934 г.

Переписку по делам журнала, рукописи и пр. направлять по адресу:
"Dielo Trouda," 3122 N. Mason Ave., Chicago, Ill.

10-й год издания

НАШИ ПОЗИЦИИ

(Резолюции Конференции)

О НАШЕМ ОТНОШЕНИИ К ВОЙНЕ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИХ ДЕРЖАВ С СОЮЗОМ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК И О ВОЙНЕ ВООБЩЕ.

Принимая во внимание, что СССР, войдя в круг капиталистических государств, играет такую же империалистическую роль как и все капиталистические государства;

Принимая во внимание, что в основе СССР лежит наемный труд и товарное производство, вследствии чего Союз, как и все капиталистические государства, нуждается во внешних рынках и в сферах экономического и политического влияния, что, в свою очередь, неизбежно толкает его на путь империалистической политики захватов и милитаризма — Грузия и Монголия доказывают это неопровержимо;

Принимая во внимание, что режим СССР есть доведенный до полного совершенства ДЕСПОТИЗМ, уничтоживший решительно все политические свободы трудящихся, установивший ГОСУДАРСТВЕННОЕ РАБСТВО и превративший страну во Всероссийскую каторгу;

Принимая во внимание, что долгие годы „строительства социализма“ вполне оправдали утверждение Бакунина, что „социализм без свободы это — рабство и скотство“, **мы,** русские анархисты-коммунисты, проживающие в Соединенных Штатах и Канаде, **не считаем возможным, ни с какой точки зрения, выделять СССР из общей массы государственно-капиталистических стран и применять к нему особую мерку,** как это делают коммунисты и социалисты, рассматривающие, невзирая на все вышеуказанное, СССР как страну строющегося социализма и как „отечество“ рабочих и крестьян.

Принимая все это во внимание, **мы стоим на точке зрения превращения войны в социальную революцию в целях установления анархического коммунизма.** Что же касается нашей интернациональной политики в случае войны с СССР, то **мы должны проводить** не политику становления на сторону „правой стороны“, как это делает Рабочий Социалистический Интернационал, которая неизбежно приведет к печальной памяти „оборончеству“ времен прошлой империалистической войны, а **борьбу против войны вообще, против обоих воюющих сторон, как „нападающей“, так и „обороняющейся“.** Воюющие страны, конкретно: Япония и СССР, должны быть изолированы, международный пролетариат должен путем прямого действия заставить свои правительства, своих капиталистов не только не снабжать воюющие стороны деньгами, припасами и амуницией, но принудить их, путем открытых протестов и всеобщей стачки, прекратить немедленно начавшееся кровопролитие.

Однако, исходя из анализа современной международной ситуации, мы приходим к заключению, что война между двумя какими нибудь „великими державами“, например, Японией и СССР, не может быть, в виду заинтересованности других госу-

дарств, только войной между этими странами, она неизбежно станет началом новой международной войны, которая разделит мир на два враждебных стана. В этом случае задача международного пролетариата должна сводиться к тому, чтобы повернуть штыки против собственной буржуазии и превратить мировую войну в мировую социальную революцию. При таком положении каждый пролетарий, каждый честный человек должен знать, что **истинный враг находится в его собственной стране** и в соответствии с этим сообразовать свою революционную тактику. Конкретно эта тактика должна сводиться к индивидуальным и массовым отказам от военной службы, к усиленной революционной и антимилитаристской пропаганде на фронте и в тылу, к индивидуальным и массовым отказам от работ на амуниционных заводах, коллективный отказ нагружать, разгружать и перевозить военные припасы и снаряжение, проповедь братания на фронте, частичные стачки и всеобщая стачка, как начало насильственного уничтожения существующего государственно - капиталистического режима.

Революционный пролетариат признает только одну войну — войну труда против капитала, свободы против власти. В этой войне должен принять участие каждый трудящийся, ибо только после победы международного труда над международным капиталом наступит эра мира и свободы.

О ЕДИНОМ ФРОНТЕ БОРЬБЫ С ФАШИЗМОМ И КАПИТАЛИЗМОМ.

Принимая во внимание, что режим, так называемый, „диктатуры пролетариата“ в СССР лишил страну решительно всех политических свобод и установил государственное рабство;

Принимая во внимание, что коммунисты всех стран оправдывают и защищают этот режим и стремятся установить таковой в своих странах;

Принимая во внимание, что социалисты Второго Интернационала тоже стремятся к диктатуре и проводят, в союзе с буржуазией, политику жестокой борьбы со свободническим антидиктаторским революционным рабочим движением, как, например, в Испании, где стоявшие у власти социалисты Второго Интернационала подавляли революционное рабочеее движение фашистскими методами;

Принимая все это во внимание, мы, русские анархисты-коммунисты, проживающие в Соединенных Штатах и в Канаде, считаем АБСОЛЮТНО невозможным ЕДИНЫЙ ФРОНТ с партиями диктаторского социализма, являющегося духовным отцом современного фашизма.

О едином фронте можно говорить только лишь после отказа социалистических и коммунистических партий от диктатуры, после восстановления всех свобод в СССР и освобождения русскими большевиками всех политических заключенных и ссыльных и установления в СССР единого фронта.

Без выполнения этих предварительных условий единый фронт против мирового фашизма, предлагаемый коммунистами и социалистами, есть ЛОЖЬ, покрывающая коммунистический фашизм в СССР; без выполнения этих условий единый фронт против эксплоатации и капитализма — ЛОЖЬ, ибо им хотят прикрыть страшную эксплоатацию русского пролетариата и защитить самый ужасный вид капитализма — ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КАПИТАЛИЗМ; без выполнения этих условий единый фронт для борьбы за освобождение классовых узников из капиталистических тюрем есть ЛОЖЬ, ибо коммунисты всех стран оправдывают деспотию в СССР и тем самым берут на себя ответственность за расстрелы, за тюремное заключение и ссылку беспартийных революционных русских рабочих и крестьян, анархистов и социалистов; единый фронт без выполнения этих условий есть ЛОЖЬ, ибо социалисты Второго Интернационала одабривали и одабривают, и тем самым тоже берут на себя ответственность, фашистские методы испанских социалистов, об'явивших революционное рабочее движение вне закона, душивших рабочую печать и тысячами сажавших в тюрьмы революционных рабочих и крестьян.

ЕДИНЫЙ ФРОНТ АБСОЛЮТНО НЕОБХОДИМ, но этот необходимый единый фронт может быть, И БУДЕТ, создан только самим борющимся рабочим классом путем прямой борьбы против государственно-капиталистической системы без и против политических партий государственного социализма и коммунизма, полное торжество которых ведет, как в России, к установлению „красного фашизма“.

Мы за войну против фашизма, но **война против фашизма** прежде всего **означает войну против всякой диктатуры,** лежащей в основе всякого фашизма, за социальную революцию, освобождающую пролетариат, а вместе с ним и все человечество, от гнета капитализма и оков государства, т. е. **война против фашизма означает войну за установление анархического коммунизма.**

Мы за единый фронт революционных

рабочих всего мира. Для нас этот единый фронт означает солидарную классовую революционную экономическую организацию пролетариата, применяющую прямые методы борьбы и уничтожающую всякие попытки политических партий руководить этой организацией. Мы считаем, поэтому, своей священной обязанностью содействовать организации такого единого фронта и, стоя в первых рядах пролетарской армии, звать всех рабочих стать вместе с нами на борьбу против государства, капитализма, диктатуры и террора во всех странах за свободный коммунизм.

Стачки, бойкот и другие сильно-действующие средства — наш ответ на фашистскую провокацию, на всякую диктатуру.

Долой всякую диктатуру, пережиток варварства! „Свобода без социализма, говорит Бакунин, это — привилегия и несправедливость, социализм без свободы это — рабство и скотство“, поэтому, да здравствует революционная борьба рабочих и крестьян за свободный коммунизм!

О БОРЬБЕ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЗАКЛЮЧЕННЫХ В СССР.

Если в самом начале большевистского господства и во время гражданской войны имелась некоторая видимость оправдания политики террора, то теперь АБСОЛЮТНО нет даже и видимости оправдания. Террор в СССР уже в течении многих лет носит определенно реакционный характер: из красного террор давно превратился в белый. Теперь террор, который, по нашему мнению, всегда есть средство реакции, даже когда его практикует самое красное революционное правительство, является не вынужденным средством защиты революции, за которое его выдавали, а средством защиты монопольного господства большевистской партии, политических и экономических привилегий нового класса — БЮРОКРАТИИ, средством увековечения политического деспотизма и экономического рабства трудящихся СССР. Вследствии этого, **мы,** русские анархисты коммунисты, **выступаем с решительным требованием восстановления всех свобод в СССР и освобождения всех политических заключенных;** мы считаем своей обязанностью продолжать с неослабевающей энергией разоблачение большевистского деспотизма перед трудящимися, звать их на протест против правительственного террора в СССР и требовать освобождения всех политических заключенных.

Поскольку коммунисты всех стран, во главе с ТРЕТЬИМ ИНТЕРНАЦИОНАЛОМ, защищают и оправдывают террор в СССР, постольку они, наравне с русскими большевиками, несут за него ответственность, поэтому мы рекомендуем протестовать не только против большевистского правительства но и против ВСЕХ КОММУНИСТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ, ПРОТИВ 3-ГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

Борьба с русским правительством и партиями 3-го Интернационала должна вестись под лозунгами:

Коммунисты всех стран, вы — соубийцы тысяч русских революционных рабочих и крестьян !

Коммунисты, откройте тюремные двери анархистам, социалистам и всем революционерам России !

Коммунисты, возвратите похищенную свободу народу, пока не пробил страшный час возмездия!

Рабочие, требуйте освобождения всех политических заключенных из тюрем СССР, боритесь с большевистской реакцией, самой опасной и самой развращающей !

Трудящиеся всех стран, требуйте от коммунистических партий и коммунистических рабочих союзов своих стран освобождения политических и прекращения террора в СССР !

О РАБОТЕ ЧЛЕНОВ НАШЕЙ ФЕДЕРАЦИИ В МАССОВЫХ РУССКИХ И АМЕРИКАНСКИХ РАБОЧИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ.

Вопрос о работе в массовых рабочих организациях конференция считает чрезвычайно важным. Конференция целиком принимает то решение этого вопроса, которое было дано Бакуниным и Кропоткиным и кратко формулировано Лондонским с'ездом русских анархистов коммунистов в 1906 г., а именно: массовые рабочие организации, “охватывающие международно всех рабочих данной отрасли труда, представляют кадры, из которых начнет вырабатываться будущий строй“. Социал-демократы и коммунисты „смотрят на рабочие союзы, как на ПОДСПОРЬЕ политической борьбе; анархисты же смотрят на них как на ЕСТЕСТВЕННЫЕ ОРГАНЫ ПРЯМОЙ БОРЬБЫ С КАПИТАЛОМ И ДЛЯ СКЛАДА БУДУЩЕГО СТРОЯ — ОРГАНЫ НЕОБХОДНМЫЕ САМИ ПО СЕБЕ, для своих рабочих целей. Анархистам следовало бы создавать новые рабочие, анархические союзы, которые могли бы вступать в федеративные отношения с другими союзами... Там же, где сущест-

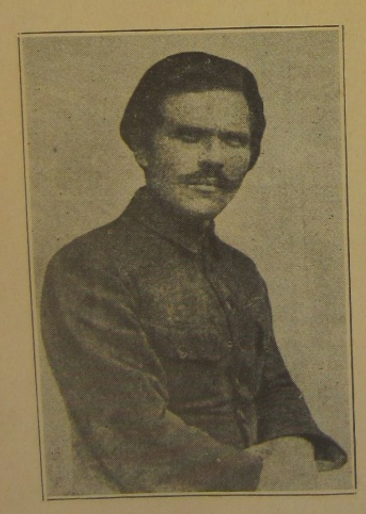
вуют союзы БЕЗПАРТИЙНОГО ХАРАКТЕРА, там анархистам следовало бы вступать в них“.

Конференция считает эту точку зрения вполне правильной и настоятельно рекомендует членам федерации вступать в те массовые беспартийные рабочие организации экономического, просветительного и прочего характера, в которых имеется возможность вести анархическую работу. Став членами подобных организаций, анархисты приобретают настоящее поле деятельности; знакомясь с членским составом и входя в близкие отношения с некоторыми из членов, честно и стойко защищая интересы рабочих, не допуская эксплоатации членской массы и всей организации резличными политиканами, анархисты, при своих выступлениях, несомненно будут получать поддержку и тем самым создадут благоприятную атмосферу для внедрения анархо-коммунистических идей в гущу членского состава.

Конференция рекомендует членам федерации руководствоваться этими соображениями не только в отношении русских беспартийных массовых рабочих организаций, но и английских. Весь членский состав нашей федерации должен активно поддерживать борьбу рабочих против капитализма и государства; поддержка эта может вылиться в форму непосредственного участия в борьбе и в форму материальной и моральной помощи.

Само собой понятно, что анархисты, работающие в массовых рабочих организациях, должны согласовывать свою деятельность с идеями и тактикой анархо-коммунистической федерации.

НЕСТОР МАХНО

В ночь на 25-ое июля, в Париже, после тяжелой, тянувшейся долгие годы болезни, — туберкулеза легких, осложненного другими недугами на почве общего истощения организма, — умер тов. Нестор Махно. Имя его, известное далеко за пределами чисто анархического движения, тесно связано с одним из замечательных, в истории, массовых движений: с независимым, проникнутым духом безвластия, восстанием широких трудовых — главным образом, крестьянских — масс против не только всяких, навязывавших себя, поработителей, но и, что особенно замечательно, против **самой идеи власти и порабощения.** Нестор Махно был, как известно, одним из вдохновителей этого движения и, прежде всего, организатором и руководителем его **боевого ядра,** его **вооруженной силы:** так-называемой „Революционной Повстанческой Армии Украины (Махновцев)“.

Дать в небольшой заметке хотя бы приблизительный очерк жизни и деятельности Махно невозможно. Такой очерк и не входит в мою задачу. Здесь я хочу лишь отметить вкратце основные моменты этой необыкновенной жизни и деятельности, а также некоторые факты, мало известные или даже вовсе не известные широким кругам товарищей.

Махно родился в 1889 году, в селе Гуляй-Поле, Александровского уезда, Екатеринославской губерни, в очень бедной крестьянской семье. Мало кто из товарищей знает, что полные имя и фамилия его были: Нестор Иванович **Михненко-Махно,** причем подлинная, старая, „родовая“ его фамилия была **Михненко** (под этой именно фамилией он жил и умер в Париже); **Махно** же было прибавлено к этой фамилии впоследствии, как **прозвище,** и стало затем как-бы его второй фамилией.

Все рассказы о том, что он был сельским учителем, являются вымыслом. Семилетним ребенком Махно вынужден был начать работать: он служил подпаском в родном селе. Двенадцати лет, окончив местную начальную школу, т. е. едва научившись

читать и писать, он пошел работать на сторону: работал в помещичьих усадьбах и чернорабочим на мелких заводах.

Революция 1905-го года втянула его в поток общественных событий, ввела в круг политических и социальных проблем. Инстинктивно ненавидя насилие над трудовым народом, власть и несправедливость; болея душой за обездоленную бедноту; наделенный от природы боевым темпераментом, Махно вскоре сблизился с действовавшими в то время на юге анархо-коммунистическими группами и, семнадцатилетним юношей, примкнул к их пропагандистской и боевой работе. Одаренный недюжинным умом и живым критическим чутьем, он рано разобрался в лицемерии и „неполной правде“ политических партий. Учение анархизма в наибольшей степени отвечало его собственным устремлениям. Этому учению он остался верен до конца.

Первый период его деятельности оборвался очень скоро. Уже в 1908-м году его арестовывают, приговаривают, за участие в анархических сообществах и террористических актах, к повешению и заменяют затем, по несовершеннолетию, смертную казнь бессрочной каторгой. Каторгу эту Махно отбывал не в Сибири, как это часто упоминается в печати, а в Московской центральной пересыльной тюрьме (Бутырках).

В тюрьме Махно провел 9 лет, до освободившей его февральской революции 1917 года. Три главных момента должны быть отмечены в этой его тюремной жизни: 1) его неустанная борьба против тюремных порядков и начальства; 2) его упорная работа над пополнением своего образования (он вышел из тюрьмы сравнительно грамотным и замечательно пополнившим свой идейный багаж); и 3) заболевание туберкулезом, сведшим его впоследствии в могилу в возрасте всего 44-х лет.

По освобождении из тюрьмы, Махно возвращается в родные места и тотчас же приступает снова к напряженной общественно-революционной работе в анархо-коммунистическом направлении. До занятия Украины австро-германскими войсками (весной 1918 г.), он ведет усиленную пропагандистскую и организационную работу: организует вольные советы, вдохновляет крестьянство на решительную борьбу с помещиками и подготовляет массы к грядущей борьбе. Но, начиная с весны 1918 г., всякая организационная, созидательная работа в районе становится невозможной. События все более и более вынуждают массы обратиться к чисто боевой деятельности. С этого момента и до последнего дня жизни его в России, Махно целиком отдается делу организации боевого сопротивления трудящихся масс Украины всем попыткам навязать этим массам каких бы то ни было властителей и эксплуататоров.

Начинается героическая вооруженная борьба повстанцев, под руководством Махно, против гетмана Скоропадского и австро-германцев, против Петлюры, против контр-революционных наступлений Деникина и Врангеля, и, в конечном счете, против новых властителей: большевиков. Перепитии этой борьбы, ее захватывающая история, — не могут быть здесь рассказаны. Интересующийся повстанческой эпопеей читатель должен обратиться к единственной до сих пор работе, достаточно полно и последовательно излагающей события этой трехлетней борьбы: к „Истории махновского движения“, П. Аршинова, одного из близких участников движения. Отмечу лишь главные факты.

Все разговоры о том, что Махно „перекидывался“ то на сторону одних, то на сторону других боровшихся сил, являются сплошным вымыслом. С начала до конца, Махно боролся **за анархическую идею безвластной, федеративной организации общества на основе свободных трудовых группировок.** Именно эту идею отстаивал он в своей борьбе с большевиками. Никогда и никому он не „служил“, не „продавался“, не „подчинялся“, и никому не „изменял“. С „белыми“ он никогда и ни в какие соглашения или хотя бы переговоры не вступал. Все такие басни или основаны на полном незнании фактов и только смешны, или сознательно вымышлены. Что же касается большевиков, то Махно, в полном согласии со своими товарищами по борьбе и с массами, дважды вступал с ними во временное соглашение. Этот факт служит ему к большой чести. При всем его отрицательном отношении к большевистской власти, при всем его тонком понимании и знании ее лицемерной, насильнической и эксплуататорской сущности, Махно считал ее, по тому времени, меньшим злом по сравнению с белой контр-революцией. Не видя другой возможности разбить Деникина и, позже, Врангеля, как, прекратив борьбу с большевиками, обрушиться на генералов, он подчинял свое личное чувство ненависти и недоверия к большевикам более важной, с его точки зрения, задаче: спасению **революции.** И, скрепя сердце, он заключал „мир“ с большевиками. Последние, не надеясь на собственные силы, принимали этот „мир“ . . . до поры до времени. И Махно, таки, дважды спас революцию. Это **он** разбил на-голову лучшие офицерские полки Деникина, посланные для его уничтожения, и этим заставил генерала отступить из-под Москвы.

Это **он** нанес ряд решительных поражений армии Врангеля. Большевики, с их красными дивизиями, являлись уже „на готовое": они били в тыл сбитым повстанцами и отступавшим белым войскам. И оба раза, после победы, большевики обманно, предательски нарушали заключенное с Махно соглашение и безпощадно обрушивались на повстанцев и на все движение. Почти чудом надо считать, что Махно каждый раз выходил победителем из этих схваток, т. е. оставался неуловимым, свободным в своих действиях и готовым к новым схваткам. И лишь в 1921 году, окруженный освободившимися на всех фронтах многочисленными красными дивизиями, Махно вынужден был прекратить всякую борьбу и перейти границу.

Все рассказы о совершенных, яко-бы, самим Махно или его повстанческими частями **еврейских погромах** относятся к той же области либо обывательских сплетен, либо сознательной клеветы. Читатель найдет в упомянутой уже мною книге П. Аршинова достаточно **точных данных,** опровергающих эти **басни. К** этим данным я должен добавить два существенных факта:

1) Легенда о еврейских погромах, якобы совершенных махновцами, основана в значительной степени на том обстоятельстве, что Украина в то время кишела всякого рода беспринципными, разгульными и просто преступными бандами, которые часто и охотно именовали себя „махновцами", как прикрытием, как „защитным именем". Такое положение вещей, естественно, создало путаницу. Но всякий **честный** исследователь, журналист — и просто человек — должен стараться разобраться в этой сложной обстановке или молчать, а не повторять сплетни и клевету.

2) В бытность мою в Берлине, мне пришлось беседовать о еврейских погромах и махновщине с известным исследователем и историком гонений на евреев в России — г. Чериковер. Последний сообщил мне два существенных факта: „Во-первых, — сказал он мне, — всякий раз, когда я добирался до **точных** указаний на то, **где** и **когда** был совершен махновцами тот или иной еврейский погром, и когда я затем сопоставлял эти указания с **точными** данными о местопребывании махновцев в момент погрома, оказывалось, что **махновская армия находилась в этот момент в совершенно другом месте;** так-что, до сих пор, я ни разу не мог установить совпадения погрома с пребыванием в той же местности махновских повстанцев. Во-вторых, на основании произведенных мною исследований, я могу утверждать, что из всех, действовавших в России во время гражданской войны, армий, — в том числе и красной, — наиболее прилично в отношении еврейского населения вела себя именно махновская армия". Г. Чериковер — не анархист. Он, просто, — добросовестный историк, ищущий и устанавливающий **правду,** не в пример писакам и „журналистам", подобным пресловутому Кесселю, клевещущему на Махно в парижских газетах "Matin" (№ 18407, 13-8-1934) и "Marianne" (№ 97, 29-8-1934), или „журналисту" милюковских „Последних Новостей" (№ 4875, 29-8-1934), бессовестно повторяющему клевету и не смеющему даже подписать под нею свое имя. Касаясь здесь начинающейся уже литературы о Махно, я должен упомянуть и об одном положительном факте. В парижской газете "Le Temps" — самой серьезной, деловой буржуазной газете Франции — появилась, в виде статьи, большая корреспонденция из России, за подписью Пьер Берланд, под заглавием "Makhno" (№ 26659, 28-8-1934), где, за исключением кой-каких мелких ошибок, дается верная характеристика Махно и правильная оценка его деятельности. Статья эта является жестокой пощечиной клеветникам типа Кесселя или милюковского журналиста.

Хороший массовый оратор, Махно, занятый фронтом и чисто боевой задачей защиты революции от враждебных ей сил, не имел достаточно времени для идейной и пропагандистской работы. На эту работу он звал в район движения анархистов. К сожалению, их было не много в России. Вынужденные усиленно работать на всем протяжении огромной страны, притом жестоко преследуемые новой властью, анархисты-пропагандисты не смогли уделить району махновского движения достаточно сил, в течение достаточно долгого времени. Здесь кроется одна из причин того, что анархистская работа в районе велась менее энергично, чем этого требовали обстоятельства. Другая причина недостаточного внимания анархистов к району махновского движения заключается в том, что многие анархисты относились к этому движению с недоверием, как к „не организованному" и не чисто анархическому.

Многие спрашивают себя, в чем был секрет огромного влияния Махно на шедшие с ним (подчеркиваю: **с ним,** а не **за ним)** массы. Ведь были в движении, несомненно, люди **сильнее** его и духом, и умом, и словом (напомню имена Веретельникова, Гавриленко, Куриленко). Почему **именно Махно** стал свободно признанным боевым руководителем движения? На мой взгляд, этот факт об'ясняется двумя главными причинами. Во-первых, Махно, с первых же дней борьбы, показал себя

беззаветно смелым, решительным и исключительно искуссным боевым стратегом. В самые трагические моменты, в самых рискованных — порой безнадежных — обстоятельствах, на него можно было всегда целиком положиться. Его боевая находчивость, быстрая сообразительность, необычайная решительность в выполнении плана были совершенно исключительны. Во-вторых (и это — еще важнее), Махно **хорошо понимал и любил** ту **массовую стихию,** которая, на время, получила на Украине возможность свободного размаха, и без которой **подлинная** революция невозможна. Махно был **плоть от плоти и кровь от крови** этой стихии. Он верил ей. Он был весь целиком в ней и с нею. Он никогда не изменял ей. И стихия отвечала ему той же любовью, тем же пониманием, тем же доверием, той же естественной преданностью. Эту стихию Махно хотел вести к полной победе. Элемент власти, выступивший во всеоружии против этой массовой стихии, в конце концов, разбил ее, а вместе с нею и революцию. Вместе с гибелью стихии, пал и ее главный вдохновитель, Махно. Разумеется, к этим основным причинам исключительного влияния Махно следует прибавить ряд других, привходящих обстоятельств, как-то: старый идейный ореол Махно по возвращении его из каторги в родные места, первые его боевые удачи, роль случая и т. п.

* *
*

Прорвавшись за-границу, Махно был некоторое время в Румынии, куда он попал прежде всего, переправившись через Днестр, и где он был арестован и затем освобожден. Из Румынии Махно переправился в Польшу, где он, опять-таки, был арестован, судим за вымышленные политические преступления и оправдан. Отсюда Махно попал в Данциг, тоже в условия заключенного, откуда нескольким товарищам удалось его вызволить лишь с большим трудом. Из Данцига Махно перекочевал в Берлин, где он мог жить сравнительно свободно, и откуда он переехал впоследствии в Париж. В Париже он оставался до самой смерти.

Для парижских товарищей смерть Нестора Махно не была неожиданностью. Он давно болел — тяжело, мучительно. К тому же, вся жизнь его за-границей сложилась тоже тяжело, беспорядочно, болезненно. Его активный темперамент не мог мириться с вынужденной (заграничным положением и болезнью) бездеятельностью. Некоторые другие стороны его характера усиливали тяжесть его положения. В сущности, все эти 13 лет, которые Махно провел за-границей, были медленным умиранием, тихой и тяжкой агонией. Можно только удивляться тому, что этот маленький, тщедушный, ставший хилым, смертельно больной человек, весь израненный (он был ранен в боях до 12-ти раз, притом дважды тяжело, с огромной потерей крови, так-что выжил чудом), — можно только удивляться тому, что этот весь изношенный, замученный человек, с разбитой ногой, с туберкулезом обоих легких, живя в ужасных условиях, протянул еще целых 13 лет, борясь со смертью. Природа дала ему железный организм, отчаянно боровшийся за свое существование и сдавшийся лишь тогда, когда, по свидетельству врачей, в нем почти ничего не оставалось от обоих легких. Борьба со смертью была последним „боевым подвигом“ Махно. Отныне его имя, его личность и его дела принадлежат истории.

* *
*

Последние месяцы своей жизни Махно провел на больничной койке, в госпитале Тенон, куда его поместили ввиду резкого ухудшения болезни. Близкие товарищи часто навещали его. Они видели его умирание и не сомневались в близости конца. Они сознавали, что из больницы ему уже не выйти. Врачи говорили то же. Умер Махно ночью, один, во сне, без страданий. Смерть его была констатирована лишь на следующий день, рано утром.

28-го июля, останки Нестора Махно были сожжены в колумбарии кладбища Pere-Lachaise. Хотя к этому времени смерть Махно не была еще широко известна, на кладбище собралось до 400 человек. В течении часа, пока сжигалось тело, некоторые товарищи посвятили покойному прочувствованное слово. Урна с пеплом Махно замурована в стене колумбария, за номером 3934.

После Махно осталась жена и дочь 11-ти лет.

* *
*

Каково литературное наследие Нестора Махно?

Надо сказать, что писал Махно в анархических изданиях, в России и за-границей, охотно и довольно много. Мелкие его статьи разбросаны по многим анархическим газетам и журналам. Его литературная работа сильно замедлялась, конечно, болезнью и, главное, необходимостью редактирования и перевода. В Германии вышла небольшая его брошюра об анархизме: „Азбука анархизма“ (на немецком языке). Мне неизвестно, вышла ли она на других языках, кроме немецкого. На руках у нескольких близких друзей Махно оставил значительное количество чрезвычайно ценных материалов: документов,

печатных набросков, записок, писем и т. д. (Еще более значительное количество материалов погибло при перемещениях, арестах и побегах. Важные для истории движения документы были конфискованы у Махно румынской полицией. Неизвестно, целы ли они. Если да, то смогут ли они быть когда-либо использованы?)

В самые последние дни в Париже образовалась комиссия, которая займется собиранием, разборкой, подготовкой к печати и изданием всего, оставленного Нестором Махно, материала. О деятельности этой комиссии будут, вероятно, осведомлены широкие круги товарищей.

Могу добавить, что чрезвычайно важный труд Нестора Махно — его личные записки о революции на Украине — был им **совершенно закончен.** Первый том этих записок вышел из печати в 1927 году на французском языке и вскоре выйдет на русском. Второй том появится, вероятно, в непродолжительном времени. Третий и последний том подготовляется к печати.

Волин.

АНАРХИЧЕСКАЯ РАБОТА И ТАКТИКА

(Письмо Эммы Гольдман к Джо Гольдману*)

Торонто, Онтарио,
Июль 31, 1934.

Дорогой товарищ!

Первый параграф вашего писльма содержит много исторических ошибок. Вы говорите, что анархисты в прошлом рассматривали свои принципы „слишком чистыми“, чтобы кооперировать с другими организациями. Это не совсем правильно. Верно, многие товарищи настаивали держаться в четырех стенах своих групп, они отвергали всякие намеки на пропаганду в широком масштабе или на какую бы то ни было кооперацию с другими свободническими и рабочими группами. Однако, большинство наших товарищей были организованы по анархо-синдикалистской лини и вели свою работу среди рабочих в мастерских, шахтах и фабриках, одним словом всюду, где работает народ; они шли к нему с устным словом и со множеством литературы по различным вопросам. Они принимали также участие в массовых выступлениях. Они никогда не отказывались, во время важных событий национального значения, кооперировать с не-политическими организациями. Эти товарищи были деятельны даже во время выборов, не голосуя, конечно, за какого либо определенного кандидата, — они устраивали демонстрации, выпускали манифесты и разоблачали обман политического действия. Наши товарищи хорошо знают, что соединение с какими бы то ни было политическими организациями означало бы отказ от своих идеалов и, в конечном счете, сделало бы их смешными в глазах рабочих. Нельзя же, после всего, быть в оппозиции к правительству и в то же время голосовать за кого нибудь, зная, как это знаем мы, что самый лучший человек, облеченный властью, ничего не может сделать для рабочих, даже если бы он хотел.

Вы также ошибаетесь, когда говорите, что наши русские товарищи провалились потому, что они отказались кооперировать с большевиками. Анархисты работали с ними бок-о-бок, дрались на каждом фронте, проливали свою кровь за осуществление идеалов русской революции. А что они выиграли? Если они, не погибли на фронте или не умерли от голода, то они были убиты диктатурой; если же некоторые остались в живых, то их сослали и гоняют из одного концентрационного лагеря в другой. Вся история анархистов в России — сплошная бесконечная Голгофа. Только будущие историки докажут миру какие заслуги были сделаны анархистами и какие страдания им пришлось перенести. Другими словами, провал нашего движения в России об'ясняется далеко не недостатком кооперации, он является результатом веры анархистов в Ленина и в его клику, результатом их доли помощи большевикам придти к власти*).

Вы также неправы относительно немецких анархистов. Анархо-синдикалисты с

---

*) Печатаем с разрешения т. Э. Гольдман. *Ред.*

* Об'яснение провала русского анархического движения во время революции верой анархистов в Ленина и помощью анархистов в захвате большевиками власти не соответствует исторической действительности. Никто из анархистов, за редким исключением, не верил в Ленина — об этом свидетельствует вся анархическая пресса времени революции.

Анархическая помощь большевикам выражалась главным образом в том, что рекомендует в данном письме и сама тов. Э. Гольдман: анархисты были вместе с большевиками в их борьбе с существовашим капиталистическим режимом и в тоже самое время вели беспощадную борьбу с идеей диктатуры. В России никакого провала анархического движения не было, потому что анархическое движение во время революции находилось только в стадии организации и оформления. *Редакция.*

еженедельной газетой, с тысячами экземпляров литературы, распространенных среди рабочих, всегда вели работу в широком масштабе. Начиная с 1918 г., ни одно событие, будь то голосование социалистов за усиление вооружения, или резолюции, гарантирующие кайзеру и его семье огромные интересы и прибыль, или рабочие стачки, не было оставлено без внимания — анархо-синдикалисты всегда были впереди и работали дни и ночи против всех этих реакционных мер лже-республики. Они ни на один момент не отказывались кооперировать ни с рабочими вообще, ни с левым крылом не-коммунистических рабочих в частности. Если же они не кооперировали с социал-демократами и с коммунистической партией, то это было не потому, что они рассматривали свои принципы „слишком чистыми“. В отношении коммунистов они имели перед собой, как живой пример, Россию, которая показала что означает кооперация с иезуитским орденом. Для них, поэтому, единый фронт с приверженцами Третьего Интернационала был бы самоубийством. Они были слишком хорошо знакомы с судьбой всех левых элементов в России, которая была бы и их судьбой, если бы они помогли Германской Коммунистической Партии захватить власть. С другой стороны — социал-демократы. С незапамятных времен они клевещут на нас и представляют нас в неверном освещении и, где бы они не были у власти, они действовали как и все остальные правительства. Во время республики в Германии анархические издания часто цензурировались и запрещались, митинги разгонялись и многие наши товарищи были арестованы и заключены в тюрьму. Я не могу понять, как вы можете обвинять наших товарищей за отказ от единого фронта с людьми, которые в прошлом наносили удары кинжалом в спину наших товарищей и нашего движения, и которые снова, опять и опять, будут это делать.

Да, анархисты в Германии были разбиты, как и все остальные, но, конечно, не потому, что они не кооперировали с другими партиями и не потому, что были малочисленны. Если бы численность могла остановить кровавую руку Гитлера, то, конечно, социал-демократы и коммунисты не были бы так легко сметены гитлеровскими ордами. Социал-демократы имели за собой 75-летнюю традицию социалистических идей — почти три поколения. Они имели огромную партийную машину, они имели 20 мил. золотых марок в своей кассе и 4 мил. приверженцев со стороны организованных рабочих и они были уничтожены. Коммунисты имели за собой на выборах 6 мил. голосов и постоянную неограниченную поддержку из Москвы и они были разбиты. Если 12 мил. организованных социалистов не могли приостановить ужасный ураган, пронесшийся по Германии, то как можно было ожидать, что это сделают анархисты? Наши товарищи, по крайней мере, имеют то внутреннее удовлетворение, что они, с самого первого момента появления Гитлера на сцене, вопили в пустыне: снова и снова они привлекали внимание рабочих к растущей опасности. В частности, когда Гитлер начал вооружать свои штурмовые шайки, они настаивали, что что-то должно быть предпринято, чтобы предотвратить надвигающуюся опасность. Над ними только смеялись и издевались, как социалисты так и коммунисты. Это не большое утешение для наших товарищей, оставшихся верными своим революционным идеям и убиваемым теперь в концентрационных лагерях Геринга, что они предвидели эту дикость. Но, в конечном счете, рабочие поймут, что анархо-синдикалисты и анархисты были единственными людьми в Германии, которые не вводили их в заблуждение. Однако, все это не означает, что я вообще против кооперации. Для меня важно — с кем мы должны об'единяться. Я уже сказала, что в Германии возможно было создать единый фронт с левыми не-коммунистическими крыльями рабочих. Я, конечно, была бы за кооперацию, если бы коммунисты не разлагали рабочие ряды; с такими элементами, если таковые имеются в Соединенных Штатах или Канаде, следует кооперировать; и я также сильно стою за то, чтобы попытаться достичь рядовых коммунистов, — тех, которые еще не оглохли, не ослепли и не онемели благодаря официальному фанатизму.

Как-то одним вечером, я имела у себя небольшое собрание коммунистов. Я пришла к заключению, что очень легко найти общие с ними основания и даже общие идеи, но нужно помнить, что они не были членами партии. На последних я смотрю безнадежно, но я не отрицаю, что среди членской массы возможно имеется некоторое число молодых людей, которым можно раскрыть глаза на обман и сети партийной политики. Будем стараться достичь их всеми средствами: индивидуально или путем участия в их демонстрациях, в качестве независимых единиц, и при помощи нашей литературы дать им понять, по возможности простым языком, за что мы стоим. Наилучший метод, по моему, такой: внушать рядовым членам при каждом удобном случае, что в то время, как мы всегда защищаем их, когда они попадают в затруднение с нашим общим врагом, их партия или их товарищи никогда не счи-

тают нужным защищать анархистов, когда они попадают в такие-же затруднения. Другими словами, надо подчеркивать, что мы с ними в их борьбе против существующей системы и в тоже время мы должны продолжать указывать на опасность диктатуры.

Вы говорите о таком положении дел, которое имело место в России между социалистами и коммунистами и спрашиваете: какую позицию займут анархисты, если такое положение повторится? С какой партией в таком случае анархисты должны об'единиться или они совсем ничего не будут делать? Откровенно говоря, я предпочла бы идти с социалистами, не политически, кончено, а экономически, ибо я чувствую, что даже небольшое количество свободы предпочтительней диктатуры, которая уничтожает ВСЮ свободу. Вы, вероятно, будете оспаривать, потому что, мол, социалисты увековечивают капиталистическую систему, Я и не подчеркиваю, что я непреложно против этой системы. Я, как показывает Россия с момента прихода большевиков к власти, еще не вижу никакого улучшения или выигрыша от государственного капитализма. Последний представляет собою полнейшую монополию, как над личностью, так и над коллективностью, от колыбели до могилы. Всякая мысль, чувство, желание и потребность высказаться диктуются, направляются и урезываются всеподавляющей государственной машиной. Я не вижу преимущества этой системы перед остальным миром. Я знаю, что некоторые товарищи будут шокированы таким взглядом, но это только потому, что они не видели советской диктатуры в действии.

Но почему же анархисты дожны идти с одной или другой партией? Почему они не могут стоять на своих собственных ногах и представлять свои идеи массам! Конечно, если они будут продолжать оставаться в своих группах, они наверняка не будут иметь эффекта, но при помощи сильной анархо-синдикалистской организации они несомненно могут быть моральной силой. Они могли бы указывать, что социализм и коммунизм означают власть, неизбежно направляемую против масс. Можно согласиться, что коммунисты или социалисты будут сильнее и анирхисты снова будут разбиты, но разве иногда, вопреки мнению обывателей, не бывает большего успеха в поражении? Когда же нибудь рабочие должны проснуться, а тогда они увидят, что только одни анархисты представляют надежную защиту свободы и благополучия. Я склонна думать, что это оплачивается . . . .

. . . .

Вы правы, немного сделано в области подхода к земледельческому элементу. . .

. . . .

Это — факт, анархисты совершенно пренебрегали американским фермером. Но на это имелись основания. После всего прочего, американский фермер до войны был зажиточным и настолько анти-социальным, что его почти невозможно было разбудить. Но он получил урок и теперь нам пора создать литературу, которая апелировала бы к земледельческой части страны —особенно мы должны стараться подойти к фермеру-арендатору и батраку.

Что касается нашего отношения к кооперативному движению и потребительским лигам, то анархисты, конечно, должны вступать в них. К слову, может быть вам будет интересно знать, что в Германии первыми организаторами движения товариществ были анархисты. Густав Ландауэр, братья Гагинские и многие другие наши товарищи были организаторами движения, которое равно кооперативному или движению потребительских лиг. Против участия в таких попытках не может быть никакого возражения, наоборот, ибо кооператив на другой день после революции будет представлять собою связующее звено между городом и деревней, между фермером и рабочим, и может действовать в деле распределения жизненных припасов, как расчетная контора—(„Клиринг хауз“).

Несмотря на провал в С. Франциско, я все же настаиваю, что всеобщая стачка является самым грозным оружием в руках рабочих. Провал в Калифорнии и несколько лет тому назад в других городах Америки и Канады произошел благодаря недостатку понимания всеобщей стачки. В самом деле, глупо думать, что всеобщую стачку можно обсуждать в течении дней и недель наперед, ибо это дает врагу возможность мобилизовать все силы государства. Всеобщая стачка может быть успешной только в том случае, когда она стихийна, когда она является высшим результатом воспитательной и агитационной работы. Это верно не только в отношении рабочих, но также и в отношении публики. Весьма важно, чтобы публика понимала свое отношение к рабочим и сознавала, что она зависит от производительных элементов и что поэтому она должна или помогать рабочим во время стачки или страдать от ее последствий. До сих пор ни в Англии, ни на Американском континенте не было попыток к воспитанию масс и публики касательно значения и важности всеобщей стачки. В этом отношении, хочу я или нет, но я должна привести выдержку из

очень интересной короткой редакционной статьи нью-иоркского „Таймса“, которая появилась несколько дней тому назад.

„Была только одна успешная всеобщая стачка, пишет „Таймс“, и это было в России в 1905 г. Тогда не только публика вышла на всеобщую стачку, но все цехи и профессии прекратили работу. Все были, как один человек, — об'единены. Это было грозное всеобщее единство, которое принудило царя расширить политические свободы и сделало возможной Думу“. Если бы „Таймс“ был более правильно информирован об истории всеобщей стачки, он знал бы, что было достаточное число успешных всеобщих стачек, например, в Швеции, я думаю, в 1910 г., в Голландии в конце 90-х годов, много раз во Франции и в Испании. Они были успешными, когда действительно были всеобщими.

Первые, кто выдвинул в Америке важность всеобщей стачки, были наши чикагские товарищи. С тех пор мало что было сделано в деле привлечения внимания рабочих к этому вопросу. Правда, Индустриальные Рабочие Мира говорили коечто о всеобщей стачки, но даже для них эта идея была туманной. Тоже было в Англии в 1926 г. Лидеры всегда отвергали всеобщую стачку, как всеобщую бессмыслицу, поэтому ничто так не граничит с преступлением, как толкать рабочих на такую стачку без всякой предварительной подготовки. Повторяю, важность всеобщей стачки в ее стихийности, а стихийность означает наивысшее выражение ранее проделанной образовательной и агитационной работы. Это никогда не делалось в Англо-саксонских странах, и это было решающим моментом в неудаче всеобщей стачки в С.-Франциско.

Вы говорите об „искусстве компромиссов“. Да, мой дорогой, чем выше искусство компромиса, тем больше разложения. Это означает полную потерю целостности, необходимость жертвовать всем высоким: старая иезуитская мысль, что цель оправдывает средства. Вот большевики буквально следуют этому правилу, каков же результат? Полный провал русской революции и болезненный компромис с теми самыми силами, которые Ленин пришел убить. Я согласна, что русские коммунисты, как правительство, преуспели, но, как голос революции, коммунистическое государство — самый колоссальный провал, который мир когда либо видел. Откровенно говоря, я не хотела бы дожить до того, когда тоже самое может быть сказано об анархическом опыте. Вот почему средства должны гармонировать с целью, а это исключает компромис. Вы хотите напомнить, что мы совершаем компромисы на каждом шагу, иначе мы не могли бы жить. Согласна, но эти компромисы вынуждаются силой, над которой мы не имеем контроля: они не являются результатом нашего выбора, тогда как компромис во имя частичного успеха есть наше собственное дело. Я не могу себе представить, как мы можем заниматься компромисами и называть себя анархистами.

Едва ли нужно останавливаться на вашем вопросе об отношении анархистов к профессиональным союзам. Конечно анархисты должны входить в них и употреблять свое знание и свою силу на противодействие реакционным направлениям. Естественно, там, где Индустриальные Рабочие Мира еще существуют и действуют, анархисты должны лучше кооперировать с ними, чем с Американской Федерацией Труда. Было бы еще лучше, если бы была создана анархо-синдикалистская организация. Но я склонна думать, что это еще в течении долгого времени будет чрезвычайно трудно сделать в Соединенных Штатах. Во всех событиях анархисты должны держаться ближе к рабочим и принимать участие в их повседневной борьбе, приобретая тем самым их доверие и их веру.

Суммирая все изложенное, я скажу, что имеется много работы, которую нужно сделать, но первым долгом нужно установить единый фронт в наших собственных рядах. Если товарищи не устранят свои личные тщеславия, свое желание блистать в своих небольших группах или организациях, если они не перестанут заниматься вечным обвинением друг друга, то они всегда будут в ничтожном количестве и не будут иметь никакого влияния.

Если наша дискуссия поможет нашим товарищам вынести на конференции определенные решения и об'единиться вокруг них, я буду довольна в высшей степени.

Братски с вами

Эмма Гольдман.

ВНИМАНИЕ!

Товарищи, — не забывайте политических заключенных и ссыльных в СССР. — Их участь и положение — ужасные.

Свобода без социализма это — привилегия, несправедливость; а социализм без свободы это — рабство и скотство.

М. А. Бакунин.

ПЕРЕД НОВЫМИ ПЕРСПЕКТИВАМИ

Как не были бы велики различия в оценке характера переживаемого нами периода, в одном отношении имеется полное единство взглядов: в отличии от довоенной эпохи наш период глубоко динамичен, подвержен глубоким возмущениям и потрясениям. Вот уже двадцать лет как мир сошел с налаженных рельс, по которым двигался более или менее уверенно в известном направлении, а теперь лишенный прочного равновесия и единой направляющей силы, он носится по каким то причудливым изломам, резко переходя от одной крайности к другой. Неограниченные возможности, положительного и отрицательного характера, все более и более вырисовываются на горизонте нашей действительности. С одной стороны катастрофический срыв, по сравнению с которым немецкая трагедия явится лишь слабой прелюдией, с другой — огромнейший взлет революционной энергии, могущей в самое короткое время поднять человечество на недосягаемую для него теперь высоту цивилизованности и гуманности. Крах цивилизации, в результате затеваемой фашизированными государствами новой мировой войны, и мировая социальная революция, которая возродит человечество к новой жизни, — вот два полюса, между которыми бьется буйно раскочавшийся маятник нашей жизни. На какой полюс он вознесется раньше зависит от соотношения борющихся сил, которые полностью учесть теперь не представляется возможным. Но одно ясно: оба лежат в пределах его досягаемости, оба лежат по естественной оси движения огромных стихийных сил, вырывающихся на арену исторического действия. Реальный характер этих возможностей начинает проникать в общественное сознание со все ускоряющимся темпом. Зловещая тень, брошенная германской трагедией на ход и перспективы современной жизни, открыла многим глаза на стихийный характер устремлений последней. Возможности краха цивилизаци и срыва в варварство уже не рассматриваются как досужие измышления талантливых романистов, обладающих даром облекать свои идеи в форму апокалипсических видений. Надвигающаяся катастрофа воспринимается уже как очередная реальность, могущая сегодня или завтра завладеть нашей жизнью. С другой стороны, мировая социальная революция уже перестала казаться СОЦИАЛЬНЫМ МИФОМ, выспренним мечтанием, имеющим лишь чисто служебное значение, над которым обыватели всевозможных рангов могли потешаться с сознанием превосходства своего трезвого ощущения действительности. Даже отчаянные мещане начинают понимать, что в Германии теперь происходит накопление сил, обладающих огромной взрывчатостью в отношении судеб мира, и что борьба этих сил должна неизбежно развиваться под знаком интернационального социализма. Мировое значение напряженной социальной борьбы, происходящей в Испании, все более и более принимающей размеры предреволюционного брожения, становится понятным даже в таких кругах, в которых всего лишь три года тому назад демократическая республика считалась верхом достижения испанской действительности. О том, что Франция вступила в полосу острого социального кризиса, было оповещено всему миру драматическими событиями февраля нынешнего года, поставившими под угрозу существование республики. Теперь уже многие сознают куда должна привести все обостряющаяся борьба, вызванная этим кризисом. Наконец, быстрый процесс разложения буржуазной демократии, даже в странах старых демократических устоев, полная беспомощность демократических государств перед лицом продолжающегося экономического распада, неизбежное банкротство таких мер как „Эн-Ар-Эй" — все это выдвигает революционные перспективы на очередь как реальные возможности, которые уже начинают восприниматься даже теми, которые несколько лет тому назад считали бы чистой фантастикой идею революционного взрыва в таких странах как Англия или Америка. (Свидетельством изменившегося отношения может служить серьезное обсуждение революционной возможности на страницах либеральных журналов, отражающих настроения и устремления американской интеллигенции; а что сегодня приемлет интеллигенция, завтра станет достоянием народных масс). Если и нет полной уверенности в неизбежности социальной революции, то, во всяком случае, вероятность ее уже не ставится под сомнение. В той или иной стране страшная напряженность нашей жизни должна разрядиться социальным взрывом и очень мало теперь мыслящих людей, которые не в состоянии видеть мировые масштабы такого взрыва. Германия или Испания, или, может быть, такая страна как Франция, где стихийное наростание антифашистской волны должно вылиться в форму революционной борьбы — могут стать теми искрами, которые превратят земной шар в ярко пылающий революционный костер. Это теперь сознают не только революцио-

неры, но очень многие из буржуазного лагеря, открыто пишущие об этом в своих газетах и подготавливающие буржуазное общественное мнение для соответствующей политики по отношению к этой возможности.

В отношении наших собственных перспектив подобного рода выпячивание социальной революции, как очередной реальности, имеет своим последствием возможности еще не совсем учтенные нашим движением. Революционный характер нашего периода должен выразиться в коренной перестановке борющихся сил, в перемещении центра тяжести оси, вокруг которой они расположены. В течении девятнадцатого столетия в центре текущей социальной жизни стояла борьба за демократизацию политического строя. Этот основной стержень, вокруг которого вращалась борьба разных общественных сил, служил вместе с тем определяющим моментом в растоновке последних. В центре социальной арены находились силы, боровшиеся за демократический строй, а там, где таковой уже был создан — за расширение и углубление его основолежащих принципов. Правый фронт был занят силами противившимися поступательному ходу политической демократии, а влево находилось социалистическое движение, стремившееся перебросить мост от демократии к социализму. По мере выдвижения социальной проблемы в центр внимания общественной жизни, левый фланг все более и более приближался к центральным позициям, стремясь занять господствующее положение в качестве решающей силы. Но до войны все это существовало лишь как тенденция, общая ориентация, дававшая возможность лишь наметить предельные точки этого движения, но оно еще не было жизненным фактом. До войны борьба за социализм еще находилась в стадии предварительной подготовки, нигде не выходя за пределы собирания сил для осущеествления идеала, рассматриваемого лишь как отдаленная возможность. В центре внимания социалистического лагеря, как партийно-политического, так и экономического крыла, стояла борьба за повседневные интересы, которые, конечно, теоретически увязывались с конечной целью, но практически всегда воспринимались как самодавлеющие цели. Социальная революция была обязательным пунктом веры для многих, но нигде она не вырисовывалась как очередная реальность, что и дало повод декаденствующим литераторам, подобно Сорелю, охарактеризовать идею революции и всеобщей забастовки как социальный миф, имеющий лишь прогматическоее значение в борьбе рабочего класса.

Вполне понятно, что в такой стабильной эпохе, как предвоенный период, революционные анархисты могли занять лишь крайне левый фланг. Революционный анархизм унаследовал пафос истинного духа социализма от революционной эпохи Первого Интернационала, выдвинувшей социальную революцию в порядок дня, хотя самый характер исторической настоятельности этой революционной задачи был затемнен еще в гораздо большей степени, чем перед Октябрем 1917 года, политической и экономической отсталостью большинства европейских стран. Этот социалистический пафос был той воодушевляющей силой, которая питала непримиримое бунтарство революционного анархизма в период постепеновщины и крохоборчества, последовавшего за эпохой Первого Интернационала. Но это вместе с тем создало атмосферу некоторой отчужденности и непонимания вокруг движения, ставившего с резкой остротой проблемы социальной революции и социалистического строительства в период, когда эти задачи еще не стояли в порядке дня повседневной действительности. До некоторой степени можно сказать, что крайне левый фланг, занятый революционным анархизмом находился за чертой поля зрения среднего человека. Он не мог так далеко всматриваться в исторические перспективы, и то, что смутно обрисовывалось перед ним, как крайняя позиция, могло быть легко приписано действию центробежных сил, неизбежно развивающихся в каждом движении и отбрасывающего некоторые элементы его от столбовой дороги исторического действия.

Эта общая растоновка сил уже начинает меняться в результате передвинутого положения, которое социализм принял в настоящее время. Уже Октябрьская Революция огромным рычагом своим переставила мировой центр тяжести с борьбы за политическую демократию на борьбу за социализм. Но Октябрьская Революция была лишь первой вспышкой взметнувшегося мирового пожара, в скором времени закупоренной рамками ограниченных возможностей отсталой страны. Последовавшая мировая стабилизация несколько затемнила революционное содержание новой эпохи и лишь теперь выяснилось, что мы окончательно вступили в эпоху катаклизмов, переворотов и потрясений, центром тяжести которых является борьба за социализм, как настоятельная задача дня. А это означает, что прежний центр будет отброшен вправо, где, слившись со старым правым флангом, он образует единый контр-революционный блок с целью борьбы против наступающего социализма. Быстрый процесс выветриваня ценностей

буржуазного либерализма говорит о неизбежном крушении либеральных партий и поглощении их фашизмом. Германия дала поразительный пример этого. (Шахт и Лютер — оба виднейшие представители либеральных течений, — теперь вернейшие слуги Гитлера. Левая буржуазная партия, как демократическая, была почти целиком поглощена фашизмом).

Вместо рухнувшего старого центра будет образован новый центр, состоящий, главным образом, из сил борющихся за немедленное осуществление социализма, но приемлющих социализм в упрощенно-утрированном виде крайней государственности. Этот социализм отмахивается от постановки более сложных проблем социалистического строительства, отказывающегося видеть неизбежность противоречий между высшей формой экономики и отсталой политической формой, унаследованной от прошлого. Отсталость масс во многих странах, могучее давление профессиональной интеллигенции, втягиваемой во все большей мере в борьбу за социализм, но приносящую скрытые вожделения нового класса, стремящегося сохранить классовое деление в новом обществе, а потому и нуждающегося в государстве, как органе классовых привилегий, — вот могучие факторы, действующие в направлении временного торжества этого рода социализма в целом ряде стран. С другой стороны, неизбежные противоречия, развертывающиеся в таком движении, приведут к постепенному откалыванию элементов со свободническим уклоном, а так же ко все увеличивающемуся отпору со стороны передовых слоев рабочих и той части интеллигенции, которая глубоко пропитана либеральными традициями современной эпохи. Подобно тем элементам Первого Интернационала, которые, ужаснувшись тенденций диктаторского социализма, начали постепенно образовывать оппозицию, вылившуюся потом, в логическом своем завершении, в революционный анархизм; так и теперь растущая борьба против утрированного социализма должна будет создать мощное движение, которое займет левый фланг социальной борьбы. Логически этот фланг должен тяготеть к революционному анархизму, который, таким образом, динамикой исторических сил современного периода будет перемещен с крайне левого в левый фланг и из небольшого движения будет превращен в широчайший мировой поток, вовлекающий самые разнообразные силы, но об'единяющий всех их единым лозунгом: за свободу и социализм, против механического разделения этих задач, против попытки повернуть назад колесо истории в одном направлении и якобы для того, чтобы лучше успеть в другом. За равномерный прогресс в экономической и политической жизни, за либертарный коммунизм Бакунина и Кропоткина.

Б—ский.

Земледелие в свободно-коммунистическом строе

Самыми трудными проблемами, которые должно будет разрешить коммунистическое общество, несомненно являются проблемы, касающиеся земледелия и землевладения. Принципиально, конечно, недопустимо, чтобы земля, на которой все мы вынуждены жить, принадлежала, как частная собственность, некоторым лицам. Право „сильного“ или „право первого поселения“ не может быть признано коммунистическим обществом. Однако ни в области производства, ни в общественных формах жизни не держатся так упорно старые пути и обычаи, как в землевладении и в сельском населении. Это наблюдается особенно в областях с редким населением: никакая форма общества не отучит изолированного фермера говорить о СВОЕЙ земле, потому что он со своей семьей обрабатывает ее, о СВОЕМ доме, потому что он и члены его семьи жили и живут в нем. Если в такой передовой стране, как Англия, выражение: „мой дом — мой замок“ является распространенным, то можно представить себе все те затруднения, которые предстанут перед свободно-коммунистическим обществом, уничтожившим частную собственность на землю и на дома. Мы с особой силой хотим подчеркнуть то обстоятельство, что в течении долгого времени невозможно будет разобщить эти две категории богатств — землю и дома, как невозможно разобщить землю для обработки от земли для построек и организации на ней всего, поэтому коммунальная собственность на дома неотвратимо следует за коммунальной собственностью на землю.

Затруднения в этой области вызовут необходимость бесчисленных уступок, так что даже в развитом коммунальном строе реальные условия одного округа могут быть отличны от другого, одной области от другой. Эти затруднения, конечно, не имеют места, когда дело касается крупных владений: замков, мест охоты, лесов, полей и проч., которые были захвачены

в прошлых столетиях небольшим числом семейств привилегированных классов. Эти поместья будут возвращены коллективности, будут обобществлены и переданы в ведение расположенных на них деревенских или городских общин, которые и будут обрабатывать их в интересах населения.

Городские и деревенские советы решат как должны быть использованы части этих поместий в соответствии с их предназначением: дома, конюшни, поля, леса, пахотная земля.

Гораздо труднее будет приложить коммунистический*) принцип к решению практических трудностей в области владения и обработки земли, находящейся уже во владении трудового населения.

Если коммунистическое общество действительно желает приобрести репутацию общества, управляющегося снизу вверх, то оно обязано будет предоставить крестьянам различных земледельческих местностей самим решить вопрос, на своих собраниях или при помощи делегатов, как будет обрабатываться земля. Этот принцип, могущий быть приложен также и к крупным обобществленным поместьям, будет иметь то естественное следствие, что крестьяне, довольные урожайностью своей земли, останутся на своих местах, а люди, находящиеся в менее благоприятных условиях, постараются расширить поле своей деятельности или осесть на свободных землях, например, на некоторых участках крупных обобществленных поместий. Во всяком случае коммунистический строй должен будет ОТЛИЧАТЬ ОБЩЕСТВЕННУЮ СОБСТВЕННОСТЬ НА ЗЕМЛЮ ОТ ПОЛЬЗОВАНИЯ ЕЮ ТЕМИ, КТО ЕЕ ОБРАБАТЫВАЕТ.

Земледелец должен всегда свободно располагать, без нарушения прав своих сограждан, результатом своего труда. Коммуна должна гарантировать ему спокойное ПОЛЬЗОВАНИЕ землей, которую он обрабатывает, и домом, в котором он живет; но он не должен иметь права ПРОДАЖИ ЗЕМЛИ ИЛИ ДОМА, ДАРЕНИЯ ИЛИ ПЕРЕДАЧИ ИХ ДРУГИМ. Короче говоря, в коммунистическом обществе крестьянин будет ПОЛЬЗОВАТЕЛЕМ, ДЕРЖАТЕЛЕМ, ОБИТАТЕЛЕМ, но не ЗАКОННЫМ СОБСТВЕННИКОМ своей земли и своего дома.

Римский закон определяет право собственности формулой, позволяющей пользоваться владением до крайнего предела, вплоть до уничтожения. Юс утенди эт юс абутенди (право употребления и злоупотребления) — формула римского законодательства о собственности. Коммунистическое общество пересмотрит это историческое право и модернизирует его, изменив в юс утенди, в ПРАВО ПОЛЬЗОВАНИЯ только. Новое общество и новые институты каждой страны должны будут определить где кончается ПОЛЬЗОВАНИЕ и где начинается ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ в области владения.

Если социальная революция вспыхнет внезапно, то простейшей мерой — временной мерой — было бы передать, путем общего декрета, всю землю и все дома городским и сельским советам и приказать старым собственникам продолжать платить, в начале только, налоги, как и в предшествовавший год, но уже своим городам и деревням, и не платить ренты. С другой стороны арендаторы домов или земли продолжали бы платить свои ренты не прежним собственникам, а городу или деревне.

После этой временной меры население каждой области могло бы с полной автономией установить определенную форму пользования и обработки земли и определенную форму пользования домами, но всегда на строгой основе принципа общей собственности и, где это желательно, личного пользования.

Факторы, определяющие в капиталистическом обществе земельную ренту, могут быть сведены к трем категориям:

1. Факторы, которые устанавливают дифференциальную земельную ренту, базирующуюся на различии плодородия или местоположения земли;

2. Факторы, определяющие АБСОЛЮТНУЮ РЕНТУ, которая может быть взята даже с самой неплодородной и плохо расположенной земли. Эти факторы базируются на праве монополии, которое собственник рассматривает отдельно, независимо от различия качества земли;

3. Факторы, которые, все вместе взятые, представляют элемент финансовой спекуляции, элемент очень могущественный в новых странах и который даже в странах старой цивилизации всегда имеет значительное влияние на ренту и на цену земли, особенно в период смут и затруднений. Мы можем напомнить читателю войну 1914—18 г. г. и жилищный кризис после нее во всех странах.

Допустим теперь, что экономическая власть земледельцев над сельскими и городскими землями совершенно устранена и общины жителей заняли их место в каждой области.

Две последних категории указанных нами факторов тогда исчезнут, так как коммуны, если даже они переймут монополию на все земли, расположенные на их территории, не будут спекулировать, абсолютная же рента на всю без исключения

*) Термин коммунизм мы всегда употребляем в экономическом, а не в политически-большевистском смысле.

землю не может причинить вреда жителям поскольку, в конечном счете, они сами определят условия, на которых будут обрабатываться или застраиваться все земли. С другой стороны, факторы первой категории, несомненно, будут продолжать действовать, потому что поскольку земли большего плодородия и лучшего местоположения будут соперничать в производстве тех же самых земледельческих продуктов, поскольку отсутствует дифференциальная земельная рента и имеется на лицо тот факт, что производитель сам пожинает плоды своей работы и работы своей семьи, постольку следствием всего этого будет то, что все производители предпочтут обрабатывать землю, дающую наибольший урожай. Точно так же и все городские жители пожелают поселиться в домах, которые находятся в лучшем месте, наиболее санитарны и лучше построены.. Если сопротивление со стороны собственников будет преодолено, то конкуренция между всякого рода фермерами и жителями всех общин может прекратиться только тогда, когда другая экономическая сила возьмет в свое распоряжение разницу плодородия земель, и может также потребовать возмещение за разницу в удобствах лучше построенных и лучше расположенных домов в сравнении с другими домами.

Представители всего земледельческого или городского населения занимают место теперешних собственников, в таком случае мы можем сказать, что дифференциальная земельная рента будет существовать. Но вместо того, чтобы платиться нескольким богатым личностям, она ежегодно будет вручаться общине.

Не платя дани человеку, который не принимал участия в производстве, земледелец тогда в состоянии будет наслаждаться плодами своего труда. Общественная собственность на землю гарантирует ему спокойное пользование ею; земельная и фермерская ренты, платимые общине, заменят в коммунистическом обществе земельную и фермерскую ренты, которые ныне платятся частному собственнику.

Можно видеть заранее, что при коммунистическом строе во многих областях будут предприняты меры, подобные тем мерам, которые в силе теперь в капиталистическом обществе, в некоторых новых странах, особенно в Австралии. Цель этих мер — обеспечить за собой нарастающую ценность земли, которая создается постепенно, благодаря росту населения, т. е. работой всех.

Старые навыки в производстве и в распределении товаров в новых странах вкоренились менее глубоко, чем в странах старой цивилизации. Мы можем сказать, что уже теперь наибольшая часть австралийского континента принадлежит нации. Квинсленд включил в свою конституцию запрещение продавать национальную землю.

Как они управлют в этих странах?

Возьмем для примера систему, которая применяется для эксплоатации земли на территории новой федеральной столицы Австралии, в Кенберре, на юге от Сиднея. Вся эта территория принадлежит австралийскому народу и не может продаваться и покупаться. Право на занятие одного или больше участка земли или города Конверры приобретается на публичном торге: тот, кто дает высшую цену за участок, получает право на пользование им. Это пользование базируется на годовой ренте, которая представляет собою 5% цены, которую пользователь сам установил на торге. Ренту эту получает федеральная столичная комиссия. Цена земли, — не включая улучшений, которые на ней произведены, — после первых 20 лет, снова устанавливается на плбличном торге, а в дальнейшем фиксация цены происходит каждые 10 лет.

Постройки должны быть начаты не позже двух лет после торга и закончены годом позже, если только арендатору не дана отсрочка. Земля, которая не предназначена под постройку, особенно пахотная земля, сдается в аренду на срок не превышающий 25 лет (См. Оффициал. Годовая Книга Австрал. Коммонвельта, № 19, 1926, стр. 161-2).

В коммунистическом обществе местные общины, которые применят подобные меры, естественно, должны будут требовать от нового посельщика возмещения предшественнику стоимости сделанных им лично улучшений земли. Это практикуется в настоящее время в Австралии.

Ясно, принимая во внимание обычаи жителей и местные способы обработки земли, невозможно описать или даже предвидеть все те пути, которыми местные общины будут вводить основные принципы свободного коммунизма. Но одно ясно: как долго в первый переходный период от нашего капиталстичес ого общества в коммунистический строй промышленное население будет практиковать вознаграждение за сделанную работу, мы должны ожидать, что и сельское насеение будет применять это же правило в земледелии — земледельческий рабочий будет требовать себе полный продукт своего труда и, в случае передачи им земли другому лицу, будет настаивать на возмещении за все улучшения, которые он лично ввел. Также очевидно, что, как в земледельческих областях, так и в промышленных час-

тях страны, чтобы завершить организацию коммунистического режима, могут быть применены меры более развитого коммунизма. Община, например, заинтересуется в покупке сообща всякого вида земледельческого оборудования: плугов, жаток, молотилок и проч., чтобы отдавать их в пользование фермерам своей окружности. Может быть придется приобретать удобрения, семена, топливо и проч., а так же взяться и за доставку земледельческих продуктов в центральный магазин города и получать в обмен от промышленных городов предметы домашнего обихода и кухонную посуду, инструменты и проч., в которых нуждается сельское население. В конце концов, сельские и городские общины должны построить школы, ясли, богадельни, залы для собраний и всякого рода свободные учреждения для жителей.

Если коммунистический идеал воодушевит цивилизованное население будущего, тогда возникнет некоторый вид благородного соревнования между различными общинами, каждая из коих будет стараться ответить наиболее великодушно на великие принципы взаимной помощи.

Христиан Корнелиссен.

Примечание редакции. Редакция не разделяет взгляды нашего маститого экономиста на способы введения коммунизма в земледелии, но, поскольку этот вопрос очень слабо разработан в нашей литературе, она сочла полезным познакомить своих читателей с одним из возможных путей решения этого трудного и сложного вопроса, который дается тов. Корнелиссеном, старейшим и виднейшим деятелем интернационального и французского революционно-синдикалистского и анархистского движенгя, единственным крупным экономистом теоретиком в наших рядах.

Омолаживающийся евнух

Не видит этого лишь тот, у кого бельмы на глазах, у кого злокачественный нарост туманит зрачки: капитализм в смертельной агонии, барахтается со все возрастающим бессилием, вертится, как белка в колесе. Нет ему выхода, нет ему спасения!

„В минуты жизни трудные“ еще, пожалуй, может быть напряжение последних сил, в целях облегчения положения, отчаянная попытка перескочить через плечо кризиса, чтобы предстать перед гамлетовской альтернативой: „быть или не быть“, в которой, рядом с мрачной тучей грозящего „небытия“, светится лучезарная надежда на обновленное, преисполненное свежих сил, „бытие“. Но эта надежда — надежда неизлечимо больного „в минуты предсмертья трудные“.

Что проку в том, если к смертному одру еле-еле дышащего, для кого уже вырыта могила, соберут консилиум лучших занатоков-исцелителей? Диагноз, давным-давно точно установленный и многократно проверенный, гласит: „злокачественная гангрена, устранить которую невозможно“. Этот диагноз неизбежно заставит знатоков - благожелателей вынести окончательный приговор: „скорая смерть!“

Ничего, совершенно ничего не означает, что капитализм на наших глазах, в целях собственного спасения, делает различные отчаянные вылазки из смертельной осады. Всех видов фашизм, овладевающий ныне миром, есть, в сущности, такая спасительная вылазка капитализма. Но эта вылазка больше похожа на барахтание мухи в паутине. Едва-ли найдется такой поэт-оптимист, который принял бы это барахтание мухи за признак ее жизненной бодрости.

Хотя древность и не оставила документальных данных, но есть все основания предполагать, что у профессиональных продажных плакальщиков, служивших у могучих фараонов, была двойная роль: они не только оплакивали после смерти своих господ фараонов искуссно вызванными водянистыми слезами, но и стояли у изголовья умирающих, внушая им надежду на жизнь, когда этой надежды не было: „Хвала богам, наш фараон будет жить! Ему становится лучше, к нему все более и более возвращаются его юношеские силы!“

Между **придворным шутом** и **плакальщиком должна** была, вероятно, существовать самая тесная связь, было, по всей вероятности, „единство действия“ между шутом и плакальщиком: тот же самый продажный и покорный фараоновский раб, который раньше состоял при дворе бодрящим предвещателем добра, потом становился убивающимся от боли и сочувствия плакальщиком. Иногда, пожалуй, такой двуличный покорный слуга посреди самых бодрящих предвещаний торопился „прорепитировать“ и „оплакивание“, потому что своими профессионально-опытными глазами он видел, что в этом скоро будет необходимость. Нет ничего удивительного в том, что так же поступают праправнуки фараоновских шутов-плакальщиков, живущих в наше время: Шпенглер, например. Теперь этот шут-плакальщик поет хвалебные, бодрящие гимны немец-

кому фашизму, т. е. выступает в роли придворного шута, а раньше оплакивал неминуемую гибель западно-европейского капитализма. Раньше он только „прорепетировал" предстоящую ему в скорости роль „плакальщика" . . . Не мало их, этих придворных покорных слуг, у агонирующего капитализма, которые теперь выполняют первую половину их двойственной роли — роль шутов, предвещающих „добро". Обычно охватывает щемящая жалость, когда стоишь перед умирающим, даже если он твой враг. Так было бы, пожалуй, и в отношении умирающего **капитализма,** если бы не эти придворные продажные „покорные слуги", которые вселяют **отвращение** вместо жалости. Претит от их продажности и вопиющей фальшивости их „хвалебных гимнов" умирающему . . .

Обломов, кажется, был первым, который плевал в высохшую чернильницу, раньше чем приступал к письму. Плевком он хотел получить хоть немного черной жидкости из пустой чернильницы, на дне которой уже давно в полном уединении лежала издохшая муха. Но Обломов — к его чести будь сказано — делал это без злой воли, наши же восхвалители капитализма, все сегодняшние придворные продажные шуты, а завтрашние плакальщики, делают тоже самое **намеренно-фальшиво.** Они знают, — и как еще знают! — что на дне „идейности" капиталистической чернильницы, как бы эта чернильница не называлась: муссолиновский фашизм, гитлеровский „рассизм", рузвельтовский ли „Эн-Ар-Эй", лежит **дохлая муха,** и все-таки они плюют в эту чернильницу и извлекают оттуда целые поэтические и „логические" потоки жизненности капитализма, идеализации капитализма.

Нет ничего отвратительнее **омолаживающегося евнуха.** Что для евнуха „вторая молодость"? . .

И. Рубин.

Письма товарищей о сотрудничестве

1.

АВГУСТИН ЗУХИ

Мой дорогой Максимов,

Посылаю вам статью относительно последних событий в Германии, написанную по-немецки. Я долгое время не писал и не говорил по-английски, так что теперь затрудняюсь писать на этом языке. Я могу присылать вам по одной статье каждый месяц, или нечто вроде этого, но по-немецки, по-шведски или по-французски. Сообщи мне, какой язык ты предпочитаешь.

Привет вам и Оле.

Сердечно ваш

Августин Зухи.

2.

ХРИСТИАН КОРНЕЛИССЕН

Дорогие товарищи,

С этим письмом посылаю для вашего журнала статью. В дальнейшем надеюсь присылать чаще. Сердечный привет Ольге и вам.

Сердечно ваш

Христиан Корнелиссен.

3.

ВОЛИН

Дорогой товарищ Максимов,

Мне приходится сейчас немало писать (и переводить) и о Махно, и о Мюзаме для разных наших органов. Я теперь перевожу (с немецкого) и пишу для Международного Товарищества Рабочих. Недавно дал туда, в Бюллетень М.Т.Р., статью о Махно (тоже некролог), которую перепечатало женевское „Анархическое Пробуждение". Работы *по горло.* А между тем, необходимо следить за материалами и пр. Так что небольшая задержка (с некрологом Махно) вполне понятна.

Надеюсь в недалеком будущем возобновить участие в „Дело Труда", т. е. продолжить начатые статьи.

Привет вам и Оле от нас обоих.

Волин.

4.

А. ШАПИРО

Дорогой Максимов,

Очень рад был получить от вас весточку. Вижу иногда „Дело Труда" и тогда совесть начинает мучить. Последнее время я жил в маленькой отельной комнатке, где абсолютно не было возможности чем либо заниматься. И вот, когда обзаведусь приличным столом, за который можно будет сесть, да начну опять заниматься „писанием" . . . и „Дело Труда" не забуду.

Сердечный привет Ольге. Дружески ваш

А. Шапиро.

5.

ЭММА ГОЛЬДМАН

Дорогой товарищ,

Что касается писания для вашего журнала, то я боюсь, что об этом не может быть и вопроса для меня. Я не могу, конечно, говорить за Сашу (Беркман), но я знаю, что он работает сверх своих сил над переводом книги Рудольфа (Рокера). Я определенно чувствую, что он не будет в состоянии делать что бы то ни было, пока не покончит с переводом. Что касается меня самой, то я могу сказать, что я завалена перепиской, которая, с тех пор как я веду наибольшую часть своей пропаганды посредством писем, не носит частный характер. В следующем месяце я должна буду работать день и ночь над подготовкой восьми новых лекций и, кроме того, я должна еще написать статью для издательства Харпер . . .

Если мои статьи о личности в обществе и о моих американских впечатлениях не будут приняты никаким издательством, то я размножу их и пошлю в нашу прессу.

Конечно, я буду иметь в виду и вас.

Дружески ваша *Эмма.*

6.

РУДОЛЬФ РОКЕР

Тов. Рокер дал право переводить все его статьи без предварительного на то разрешения.

БЕСЕДЫ С БАКУНИНЫМ

ТРЕТЬЯ БЕСЕДА.

О втором дне социальной революции и переходном периоде

В. Прошлую беседу мы посвятили социальной революции. Мы выяснили, что, хотя ее усилия и будут направлены против положений, а не против людей, она, тем не менее, неизбежно придет к гражданской войне, ибо имущие классы не пожелают добровольно расстаться со своими привилегиями, и, следовательно, к разрушению не только вещей, но, к сожалению, и людей. Мы выяснили также благотворное влияние, которое гражданская война окажет на народ, но мы совершенно не затронули отрицательных влияний гражданской войны и ее отрицательных последствий. А для нас, ведь, не может быть сомнений, что гражданская война вызовет у борющихся сторон все раньше глубоко запрятанные и скрытые внешним культурным лоском зоологические инстинкты, инстинкты зверя, она доведет до наивысшего напряжения и обострения классовую ненависть, создаст, так сказать, „классовый патриотизм", нерасчетливо разрушит и уничтожит много материальных и культурных ценностей и т. д. и т. п. Это ясно. И когда социальная революция закончится победоносной для пролетариата и всех трудящихся гражданской войной, т. е. физической победой трудящихся над капиталистами и государственниками, тогда начнется, повидимому, довольно длительный и трудный период строительства нового общества на основах коммунизма и анархии и роста, возможно очень интенсивного, новой цивилизации, новой культуры и свободного творчества во всех областях. Следовательно, мне кажется, что полное осуществление нашего идеала — АНАРХИИ и КОММУНИЗМА — будет возможно только после этого переходного периода строительства, после этой переходной стадии, т. е., что наш идеал, как мы представляем его себе сейчас, будет результатом постепенного развития и строительства в период после победоносной социальной революции. Таким образом, по-моему, между днем окончательной физической победы над капитализмом и государством и первым днем полного, неурезанного осуществления нашего идеала лежит более или менее длительный период времени, который я называю переходным периодом или переходной стадией. Вот об этом то я и хочу вести с вами беседу сегодня. Я хочу знать ваш взгляд, вашу точку зрения, ваше отношение ко всем затронутым мною вопросам и ваше представление о втором дне социальной революции. Думаете ли вы, что на второй, так сказать, день социальной революции наш идеал будет осуществлен во всех его подробностях или вы признаете, что общественный прогресс движется периодами, фазами, и что после социальной революции наступит период медленного развития, а затем, много позже, эра братства, т. е. эра полного осуществления нашего идеала, **как мы представляем его сейчас?** Подчеркиваю последние слова, потому что идеал бесконечен в своем развитии, вечен и никогда недостижим, ибо он растет с духовным ростом человечества: полное осуществление идеала означало бы полную приостановку духовного роста человечества, это же невозможно.

Бакунин. «Тот, кто хоть немного занимался историей, не мог не заметить, что в основе самых абстрактных, высоких и идеальных религиозных и теологических распрей всегда был какой нибудь крупный материальный интерес. Все рассовые, национальные, государственные и классовые войны никогда не имели другой цели кроме владычества, являющегося необходимой гарантией и условием обладания богатствами и пользования ими. Человеческая история, рассматриваемая с этой точки зрения, является ничем иным как продолжением великой борьбы за существование, составляющей, согласно Дарвину, основной закон органической природы.

В животном мире эта борьба происходит без идей и без фраз и ей нет разрешения; пока земля будет существовать животные будут пожирать друг друга. Это есть естественное условие жизни животных. Люди, животные плотоядные по преимуществу, начали свою историю с людоедства. Теперь они стремятся к всемирной ассоциации, к коллективному производству и потреблению. Но между этими двумя крайними точками — какая кровавая и ужасная трагедия! И конец этой трагедии еще не настал. После людоедства наступило рабство; после рабства — крепостное право; после крепостного права — наемный труд, за которым должны последовать, во-первых, страшный день возмездия, а затем, позже эра братства. Вот фазы, через которые проходит животная борьба за жизнь в истории, постепенно преобразуясь в человеческую организацию жизни. („Письма о Патриотизме", стр. 85-86, т. IV).

В. Вы говорите, что теперь люди стремятся ко всемирной ассоциации, к всемирному коллективному труду и потреблению, т. е. к всемирному братству во всемирной анархической и коммунистической коммуне. Но эта коммуна, как вы сказали, лежит за периодом, который наступит после „страшного дня возмездия“, т. е. социальной революции. Возникает вопрос — будет ли, в результате этого периода, осуществление нашего идеала во всемирном масштабе носить характер моментальный и повсеместный или его осуществление будет идти естественным путем эволюции, (конечно, не той эволюции, которая устраняет активность человека, его воздействие на ход прогресса и делает его фаталистом), определенными фазами, постепенно захватывая все большее и большее число народов: сперва культурные, затем менее культурные и, наконец, те, которые ныне еще не вышли из младенческого состояния?

Бакунин. «Коллективные индивидуальности, все классы, в конце концов, истощаются, как и личности. Тоже самое можно сказать и о народах, взятых в целом, с тою разницей, что каждый народ, обнимающий все классы и самые массы, которые еще не составляют класс, бесконечно более обширный, обладает значительно большим материалом и, следовательно, кончает свое поприще гораздо позднее, чем все классы, образовавшиеся в его среде. Это наиболее сильная и наиболее богатая коллективная индивидуальность; но и она также, в конце концов, истощается, изживает.

И именно это физиологическое, историческое и неизбежное истощение об'ясняет историческую необходимость двоякого движения, которое в настоящий момент, с одной стороны, толкает классы слиться с широкими народными массами, а с другой, ведет народы и нации к созданию новой жизни, более плодотворной и широкой в Интернационале. Будущее долгое будущее принадлежит на первом месте созданию международного европейско-американского об'единения. Позже, но гораздо позже, эта европейско-американская нация органически сольется с азиатским и африканским агломератом народов. Но это в слишком отдаленном будущем, что бы мы могли говорить теперь об этом с некоторой положительностью и точностью». („Послание моим итальянским друзьям“, стр. 195, т. V).

В. Теперь для меня ясно, что после социальной революции начнется довольно длительный переходный период, на протяжении которого будет частично и постепенно осуществляться наш идеал безвластия и коммунизма. Конечно, социальная революция не может начаться сразу во всем мире или сразу во многих странах, она начнется в какой либо одной стране, наиболее созревшей для этого, на обязанности которой продержаться до тех пор, пока не восстанет пролетариат других стран и пока союз этих стран не будет достаточной силой, могущей преодолеть международный империализм. Спрашивается, какой же экономический и политический облик должна будет принять страна или страны социальной революции, в которых гражданская война привела трудящихся к победе над капитализмом и государством? Каковы должны быть, по вашему, основы новой, первоначальной, переходной к полной анархии и коммунизму общественной формы? Если сразу невозможно осуществить наш идеал во всех его деталях, то какими элементами и каким содержанием должны быть наполнены экономические и политические формы человеческого общества в переходный период?

Бакунин. «Все классы... должны исчезнуть в социальной революции, за исключением двух масс, городского и сельского пролетариата, которые станут собственниками, вероятно, коллективными, — в разных формах и в разных условиях, определенных в каждой местности, в каждой области и в каждой коммуне степенью цивилизации и волею населения, — один собственником капиталов и орудий производства, другой — земли, которую он обрабатывает своими руками; оба организуются, побуждаемые своими потребностями и взаимными интересами, одинаковым способом и в тоже время совершенно свободно, необходимо и естественным образом взаимно уравновешивая друг друга». („Послание моим итальянским друзьям“, стр. 201, т. V).

«Организация общества путем свободной федерации снизу вверх рабочих союзов как индустриальных, так и земледельческих, как научных, так и союзов работников искусства и литературы, сначала в коммуну, потом федерация коммун в области, областей в нации и наций в международный братский союз.

«Что касается способа организации общественной жизни, труда и общественной собственности, программа Интернационала не навязывает ничего абсолютного. Интернационал не имеет ни догматов, ни единообразных теорий. В этом отношении, как во всяком живом и свободном обществе, много различных теорий дебатируется в его среде. Но он принимает за основу своей организации вполне независимое развитие и самопроизвольную организацию всех союзов и всех коммун, при условии, однако, что бы эти союзы и коммуны в основу своей организации

клали вышеизложенные общие начала, обязательные для всех, желающих войти в Интернационал. В остальном Интернационал полагается на спасительное действие свободной пропаганды идей и на тождественность и естественное равновесие интересов». (Там же, стр. 197-198).

«Наконец, я не говорю, что, (например), деревни, которые перестроятся таким образом, свободно, снизу вверх, создадут сразу идеальную организацию, отвечающую во всех отношениях той организации, о какой мы мечтаем. В чем я убежден, так это в том, что это будет живая организация, в тысячу раз лучшая и более справедливая, чем существующая теперь, и которая, к тому же открытая для активной пропаганды городов, с одной стороны, и с другой, не имея возможности зафиксироваться ни, так сказать, окаменеть под охраной государства и закона, — так как не будет ни государства, ни закона, — сможет свободно развиваться и совершенствоваться безконечно, оставаясь всегда живой и свободной, а не декретированной и установленной законом, и достигнет, наконец, той степени развития, какую мы можем желать и на какую можем надеяться в настоящий момент.

«Так как жизнь и самодеятельность, отсутствовавшие в продолжении целых веков, благодаря всепоглощающему действию государства, будут возвращены общинам с уничтожением государства, естественно, что исходной точкой нового развития каждой общины будет не то умственное и нравственное состояние, какое ей приписывает официальная фикция, но действительное состояние цивилизации и, так как степень действительной цивилизации весьма различна **между общинами,** (например), Франции, как и между общинами Европы, отсюда необходимо произойдет большое различие в развитии; это, быть может, будет иметь своим последствием, (как я раньше сказал), гражданскую войну общин между собою, но потом неизбежно вызовет установление между ними взаимного соглашения, гармонии и равновесия. Будет новая жизнь, создатся новый мир». („Письма к французу", стр. 189-190, т. IV. Почти дословно тоже самое мы находим и в „Кнуто-Германская Империя и Социальная Революция", стр. 59-60, т. II).

В. Установив общие контуры переходного периода, я хотел бы получить ответ на некоторые детали. Вы говорите, что в вопросах организации общественной жизни, коллективного труда и общественной собственности нельзя заранее дать ответ на целый ряд подробностей, это верно, но я все же полагаю, что вы не откажете удовлетворить мой законный интерес к некоторым весьма существенным деталям. Я хотел бы знать, например, ваше отношение к побежденной буржуазии и к ее детям, которые, как и их отцы, не будучи приспособлены к труду и будучи воспитаны в антисоциальном духе, могут стать угрозой существованию новых общественных форм. Как поступить с теми из них, кто не пожелает заняться производительным, общественно-полезным трудом: придется применять к ним какие либо меры насильственного воздействия и принуждения или просто придется терпеть их в своей среде, как трутней?

Бакунин. «Социализм будет вести беспощадную войну, (как я сказал), против „социальных положений", не против людей; и когда эти положения будут уничтожены, люди, занимавшие их, обезоруженные и лишенные средств практически действовать, станут безвредными и гораздо менее сильными, уверяю вас, чем самый невежественный рабочий; ибо их теперешняя сила заключается не в их внутренних присущих им качествах, а в богатстве и поддержке государства.

Социальная революция, стало быть, не только пощадит их, но, поборов их и лишив оружия, поднимет их и скажет им: „Теперь, дорогие товарищи, когда вы стали нашими равными, принимайтесь за работу вместе с нами. В труде, как и во всяком другом, первый шаг труден, и мы братски поможем вам переступить его". Тогда же те, кто, будучи крепок и здоров, не захочет зарабатывать себе жизнь трудом, будут иметь право умереть с голоду, если только они не захотят вести скромное и жалкое существование на счет общественной благотворительности, которая, конечно, не откажет им в строго необходимом.

Что касается их детей, то без всякого сомнения они сделаются мужественными работниками и людьми равными и свободными. В обществе будет, конечно, меньше роскоши, но беспорно гораздо больше богатства, и, кроме того, будет одна роскошь, которая в настоящий момент никому незнакома, роскошь человечности, счастье полного развития и полной свободы каждого в равенстве всех». („Послание моим итальянским друзьям", стр. 201, т. V).

В. Вы затронули чрезвычайно **важный** вопрос, на котором следует остановиться, это — вопрос об обязательности и добровольности труда. Как должен быть решен этот вопрос, с вашей точки зрения, в переходный период?

Бакунин. О моем отношении к так называемой „свободе труда" вы можете иметь представление из моей реплики в ответ Мадзини: „Она (свобода труда) уже

существует и вся буржуазная система основана на этой системе". (Там же, стр. 174). Идеал, на который указал Интернационал и который является народным и вместе с тем и нашим, „этот идеал представляет, разумеется, народу на первом плане конец нужды, конец нищеты и полное удовлетворение всех материальных потребностей посредством коллективного труда для всех обязательного и для всех равного". („Государственность и Анархия", стр. 96, т. I).

В. Итак, по вашему, обязательность труда является основой нового общества. Но обязательность не означает принудительности, но последняя может из нее легко проистечь; например, основываясь на обязательности труда, не станете ли вы применять принуждение по отношению к тем, кого мы называем бездельниками, лентяями и паразитами, которые попытаются эксплоатировать добросердечность и труд коммун?

Бакунин. «Никто не сможет более эксплоатировать чужой труд: каждый должен будет работать для того, чтобы жить и каждый, кто не пожелает трудиться, волен будет умереть с голода, если только он не отыщет какой-либо ассоциации или коммуны, которая согласилась бы из жалости кормить его. Но тогда будет, по всей вероятности, найдено справедливым не признавать за ним никаких политических прав, раз он, будучи трудоспособным, предпочтет находиться в позорном положении и жить за счет чужого труда: ибо не будет никакого иного основания для общественных и политических прав, кроме труда, несомого каждым. Впрочем, случаи подобного рода могут представиться только во время переходного периода, когда будет еще, к несчастью, на свете немало личностей, выросших при современной системе организованной несправедливости и преимуществ, и не воспитанных в сознании справедливости и истинного человеческого достоинства, а также в уважении и привычке к труду. По отношению к подобным личностям революционное или революционизированное общество будет находиться перед тягостной диллемой: либо принудить их работать, что было бы деспотизмом, — либо же дать себя эксплоатировать бездельникам, а это было бы рабством и источником нового развращения всякого общества.

В обществе, организованном на началах равенства и справедливости, которые служат основанием подлинной свободы, при разумной постановке дела воспитания и образования, и под давлением общественного мнения, не могущего не презирать бездельников, раз оно зиждется на уважении к труду, — в таком обществе праздность и тунеядство станут невозможны.— Сделавшись чрезвычайно редким исключением, они по справедливости будут рассматриваться, как особого рода заболевания, от которых будут лечить в больницах». («Программа общества международной революции», стр. 39, «Анархический Вестник», № 7, Май, 1934 г.).

В. Мы, как вы сами видите, подошли к проблеме НАКАЗАНИЯ в будущем обществе. Вы категорически отвергаете принуждение к труду лентяев и наказание их, предоставляя их своей собственной судьбе или общественной благотворительности; но как будет обстоять дело с самозащитой общества от неисправимых личностей: не придется ли обществу в этом случае прибегнуть к наказанию?

Бакунин. «Воспитание, образование и организация общества на основе свободы и справедливости должны заменить НАКАЗАНИЕ. В течение всего переходного, более или менее длительного, периода, который неминуемо последует за социальной революцией, общество, — в интересах самозащиты от неисправимых индивидов — не преступных, но опасных — никогда не станет применять к ним какого-либо иного наказания, кроме отметания их за пределы его гарантий и его солидарности, — т. е. кроме ИСКЛЮЧЕНИЯ их». (Там же, стр. 38—39, № 5—6, ноябрь декабрь, 1923 г.).

В. В связи с обязательностью труда для всех возникает один весьма щекотливый вопрос: каким образом вы заставите выполнять это обязательство людей науки и искусства? Что же тогда будет с наукой и искусством, со всем тем, чему человечество обязано своим современным прогрессом? Неужели вы рискнете подчинить великие умы физическому труду наравне с самыми посредственными умами? Затем, оплата умственного труда: как вы будете его оплачивать или, быть может, вы не считаете нужным совсем оплачивать этот вид труда?

Бакунин. «Единственны труд индивидуального ума, все умственные работы в смысле изобретения, но не в смысле приложения, должны быть даровыми. Но чем же тогда жить людям таланта, людям гениальным? Разумеется физическим и коллективным трудом, как все другие. Как? Вы хотите подчинить великие умы физическому труду наравне с самыми посредственными? Да, хотим, и вот почему: во-первых, мы убеждены, что великие умы не только ничего при этом не потеряют, но, напротив, много выиграют, укрепятся физически, а еще более духовною солидарностью и справедливостью. Во-вторых, это единственный способ возвысить

и очеловечить физический труд и этим самым установить настоящее равенство между людьми». («Усыпители», стр. 37, т. IV).

В. Поскольку мы коснулись этого деликатного вопроса, постольку, мне кажется, желательным, прежде чем закончить нашу беседу, выяснить еще несколько вопросов, относящихся к этой же области. Во-первых, из того, что вы сказали, нельзя заключить, что после социальной революции, как говорят некоторые, все будут одинаково учены; во-вторых, что станется с наукой, когда ученые принуждены будут работать физически? В третьих, если все будут действительно образованными, то кто же будет работать? В четвертых, что станется с учеными буржуазного общества в переходный период: смогут ли они быть полезными в деле нового строительства? И, наконец, в-пятых, не произойдет ли, благодаря всеобщности труда, упадок науки, по крайней мере, в переходный период, не начнется ли, так сказать, организованный упадок культуры?

Бакунин. «Нам кажется, что чрезвычайно ошибаются те, которые, воображают, что после социальной революции все будут одинаково учены. Наука, как наука, и тогда, как теперь, останется одною из многочисленных общественных специальностей, с тою только разницей, что эта специальность, доступная теперь только лицам привилегированных классов, и когда без всякого различия классов, раз навсегда упраздненных, сделается доступною для всех лиц, имеющих призвание и охоту заниматься ею, не в ущерб общему ручному труду, который будет обязателен для всякого».

«Общим достоянием сделается только общее научное образование, и главное, знакомство с научным методом, привычка мыслить, т. е. обобщать факты и выводить из них более или менее правильные заключения». («Государственность и Анархия», стр. 236—237, т. I).

«Если все будут образованы, кто же захочет работать? Наш ответ прост: **все должны работать и все должны быть образованы.** На это очень часто возражают, что подобное смешение умственного и механического труда может произойти только в ущерб тому и другому: работники физического труда будут плохими учеными, а ученые всегда останутся очень плохими рабочими. Да, — в современном обществе, где ручной и умственный труд одинаково искажены тем совершенно искусственным разобщением, которому оба подвергнуты. Но мы убеждены, что обе эти силы, мускульная и нервная, должны быть одинаково развиты в каждом живом и цельном человеке и не только не могут вредить труг другу, а напротив, каждая должна поддерживать, расширять и укреплять другую: знание ученого будет плодотворнее, полезнее и шире, если ученый будет знаком и с ручным трудом, труд образованного рабочего будет **осмысленнее,** и, следовательно, более производителен, чем труд невежественного рабочего. Из этого следует, что в интересах как самого труда, так и науки, не должно существовать ни рабочих, ни ученых, а должны быть только люди. Люди, которые теперь, в силу своего умственного превосходства, занимаются исключительно наукою, которые однажды попав в эту область, подчиняются влияниям условий своего буржуазного положения и обращают все свои открытия исключительно на пользу своего привилегированного класса, — эти люди, сделавшись действительно солидарными со всеми людьми, солидарными не в воображении только и не на словах, а на деле, через труд, обратят так же неизбежно открытия и приложения науки на пользу всех и, прежде всего, на облегчение и облагорожение труда, этой единственной и реальной основы человеческого общества. Возможно, и даже очень вероятно, что в переходный период, более или менее продолжительный, который наступит естественно, после великого социального кризиса, наиболее высоко стоящие науки упадут значительно ниже их настоящего уровня. Несомненно также и то, что роскошь и все, составляющее утонченность жизни, должны будут исчезнуть надолго из общества и вернутся уже не как исключительная привилегия, а как общее достояние, возвышающее жизнь всех людей, только тогда, когда общество доставит все необходимое всем своим членам.

Считать ли, впрочем, несчастьем или даже неудобством это временное затмение высшей науки? То, что наука потеряет в движении в высь, она выиграет в широте распространения. Будет, конечно, меньше ученых, но будет и меньше невежд. Взамен нескольких первоклассных умов миллионы людей, теперь униженных и раздавленных, получат возможность жить почеловечески. Не будет полубогов, но не будет и рабов. Полубоги и рабы станут людьми; первые немного спустятся со своей исключительной высоты, вторые значительно поднимутся. Не будет, следовательно, места ни для обоготворения, ни для презрения. Все подадут друг другу руки и, соединившись, с новой энергией пойдут к новым завоеваниям как в науке, так и в жизни. Поэтому, не страшась этого, впрочем совершенно временного, затмения науки, мы призываем его, наоборот, всей душой, ибо следствием его будет очеловечение как ученых, так и ра-

КОНФЕРЕНЦИЯ ФЕДЕРАЦИИ

РУССКИХ АНАРХО-КОММУНИСТИЧЕСКИХ ГРУПП СОЕД. ШТАТОВ И КАНАДЫ.

Конференция состоялась в г. Чикаго и продолжалась два дня — 2-го и 3-го сентября. На конференции были представлены: Нью-Иорк, Филадельфия, Кливеланд, Детроит, Акрон, Ст.-Луис и Чикаго. Письменные решения были присланы из Бостона, Нью-Гевена, от конференции штата Коннектикут, Рочестера, Бетлегема, Балтиморы, Эмбриджа, Монтреаля, Юнгстауна и от двух групп Лос Анжелеса.

Конференцию открыл федеративный секретарь, который краткой речью приветствовал с'ехавшихся делегатов и предложил почтить вставанием память Малатеста, Марии Корн, Пужэ, Нестора Махно, Рогдаева и др. умерших товарищей. Все встали. Затем был избран секретариат конференции и резолюционная комиссия. После принятия порядка дня началась работа конференции, протекавшая в самой дружеской атмосфере.

Доклады с мест

НЬЮ-ИОРК. Работа ведется успешно. Журнал распространяется. Группа имеет достаточно активных работников. Препятствием на пути нашей работы является рассветовская и новомирская братия.

ФИЛАДЕЛЬФИЯ. Группа довольно многочисленная, много сочувствующих. Журнал и литература распространяются. Устраиваются лекции, читки, предприятия и вообще ведется просветительная работа. Некоторые члены работают в разных рабочих организациях. Предполагается устроить митинг памяти Н. Махно и пригласить для этой цели Рокера. Много внимания уделяем массовой работе. Колония в общем против рассвето-пробужденцев и большевиков.

КЛИВЕЛАНД. Распространяем журнал и литературу. Стараемся работать среди масс. Придаем большое значение работе на английском языке, особенно среди молодежи.

СТ.-ЛУИС и МЕДИСОН. Работа ведется слабовато. Журнал и литература распространяются. Многие члены группы работают в независимом Обществе Взаимопомощи, с которым у нас хорошие отношения. „Рассвета“ и „Пробуждения“ в наших городах почти никто не имеет. Общество Взаимопомощи существует с 1925 г. Имеется много нам сочувствующих, что дает возможность вести более плодотворную работу, несмотря на большую апатию колонии.

АКРОН. Групповая работа ведется слабовато. Распространяется журнал и литература Федерации. Группа имеет тесную связь с отделом Р. О. О. В. А. Устраиваем лекции и ведем просветительную работу среди масс. Безработица — причина упадка революционной деятельности. „Рассвет“ мало кто имеет, о „Пробуждении“ колония не имеет понятия, „Новый Мир“ почти не заметен.

ДЕТРОИТ. Работа ведется удовлетворительно. Распространяется журнал и Федеративная литература. Собрали 55.50 на политических заключенных. В 1933 г. группа принимала активное участие в интернациональной группе. Теперь группа не имеет связи с интернациональной группой. Наша попытка об'единения с „пробужденцами“ окончилась неудачей — пробужденцы не хотят порвать с „Рассветом“. Поддерживали газету „Фридом“ материально. Устраиваем лекции: в прошлом году 4, в этом—5.

ЧИКАГО. Вся работа группы сосредоточена на технической работе по изданию журнала, литературы и по экспедиции изданий. Устраиваем лекции. Некоторые товарищи работают во взаимопомощных русских рабочих организациях. Имеем в виду в предстоящем сезоне расширить работу. Работу вести в Чикаго очень трудно, много врагов — „Рассвет“, большевики, церковники и разной масти белогвардейцы, поддерживаемые „Рассветом“.

Рекомендации групп, которые не прислали делегатов

БОСТОН. Группа стоит на той точке зрения, что все способные товарищи должны идти в массы, в рабочие организации и сеять там зерна свободы. В целях оживления деятельности нашей Федерации, необходимо чаще устраивать читки, доклады, лекции и предприятия, энергично распространять журнал и литературу, а самое главное идти в массу с анархическим словом. Наш долг и наша обязанность помогать нашим английским товарищам в борьбе с реакцией и империализмом. Все владеющие английским языком должны принимать активное участие в английском анархическом движении, а остальные — распространять литературу и помогать материально. Направление журала группа считает удовлетворительным. Нужно меньше помещать полемических статей. Желательно издавать брошюры пропагандистского характера и на злобу дня. Раз'ездной лектор крайне желателен. Рекомендуем переизбрать в секрета и тов. В. Газеты и журналы для редакции рекомендуем выписывать на добровольные пожертвования. Считаем необходимым приложить все старания, чтобы помочь нашим товарищам, жертвам красного террора, а так же и музею Кропоткина. Желательно об'единение с пробужденцами.

КОНФЕРЕНЦИЯ РУССКИХ БЕЗВЛАСТНИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ ШТАТА КОННЕКТИКУТ. (Нью Гевен, Бриджпорт, Вотербури, Нью-Бриттен, Мериден, Нью Иорк, Гартфорд).

За неимением штатного фонда и отсутствия средств, конференция не может послать своего делегата на конвенцию анархо-коммунистических групп „Д. Т.“, но группы в отдельности могут воспользоваться этим приглашением. Конференция рекомендует федеративному с'езду обсудить вопрос о созыве совместной конференции „Дела Труда“ и „Пробуждения“.

НЬЮ ГЕВЕН. Для усиления деятельности Федерации группа рекомендует побольше устраивать лекций и докладов. Группа всецело стоит за поддержку анархического

ботников ручного труда, примирение науки с жизнью. И мы уверены, что как только это осуществится, прогресс человечества как в науке, так и в жизни быстро превзойдет все, что мы до сих пор видели, и все, что мы теперь можем вообразить». („Всестороннее образование“, стр. 49—50, т. IV).

Г. Максимов.

движения на английском языке. Она ничего не имеет против настоящего направления „Дела Труда", но рекомендует не вести полемики с идейными анархическими журналами. Рекомендует пригласить сотрудников, которые могут освещать анархо-коммунистические идеи, а так же рекомендует помещать статьи на злободневные вопросы. Группа рекомендует обратить особо серьезное внимание на вопрос о раз'ездных лекторах, ибо от них в большой степени зависит расширение нашего движения. В целях помощи политическим заключенным группа рекомендует выпускать на английском языке, дважды в год, подписные листы, скрепленные печатью, а так же установить 50 сентовые годовые членские взносы. Группа считает „Рассвет" газетой колониальной и ничего не имеет против ее существования, но предлагает ей прекратить нападки на безвластнические рабочие органы. Группа настаивает на об'единении двух однородных органов, „Дела Труда и „Пробуждения", и рекомендует конференции разработать порядок дня об'единительной конференции и созвать таковую в ближайшем будущем.

РОЧЕСТЕР, Н. И. Группа „Свобода" (не принадлежит к нашей Федерации). Мы предлагаем в порядок дня следующие вопросы: 1. Созыв об'единительной конференции; 2. выработка общей платформы; 3. об'единение всех русских анархических групп в одну федерацию; 4. посылка двух лекторов; 5. издание брошюры „Теория и ревизия анархизма". Надеемся, что вы обратите серьезное внимание на предлагаемые вопросы и сообщите нам свои решения.

С тов. приветом секретарь группы „Свобода" *Л. Лазарев*

БЕТЛЕГЕМ. В вопросе о работе членов нашей Федерации в экономических рабочих организациях группа стоит на той точке зрения, что в такие организации, чтобы не затеряться в них, могут вступать и работать только товарищи сильные духом. Необходимо принимать самое активное участие в английском анархическом движении. Направление журнала должно быть анархо-коммунистическое, ответы на корреспонденции должны носить дружеский, а не иронический характер; желательно, если это возможно, привлечь в сотрудники старых анархистов. Финансировать журнал следует членскими взносами, хотя бы по 50 сентов в месяц. Раз'ездной лектор желателен. Газеты для редакции надо выписывать; помогать политическим заключенным путем сбора пожертвований. Наше отношение к „Рассвету" как к хозяйской газете. Лучше всего этот вопрос снять с очереди и не убивать зря время. С „Пробуждением" желательно об'единение, но вряд ли таковое возможно, так как с обоих сторон имеется много упрямых товарищей. Желательно поставить на обсуждение конференции вопрос о статьях тов. Максимова — „Мое социальное кредо" и „Почему я за признание СССР".

БАЛТИМОРА. Принципиально мы не против работы наших товарищей в рабочих организациях. В целях усиления деятельности нашей Федерации необходимо поднять интеллектуальный уровень наших членов, а для этого следует заняться на местах саморазвитием в духе анархизма: устройство докладов, читок и т. д. — это единственно доступные нам средства. Участие в американском анархическом движении считаем очень полезным Желательно, чтобы направление журнала „Дело Труда" соответствовало его назначению, как органа анархо-коммунистического. Финансировать журнал рекомендуем согласно планам, выработанным на прежних конференциях. Издательская деятельность должна проявляться по мере накопления средств и материала. Мы за то, чтобы послать тов. Максимова в раз'езд в качестве лектора. Время об'езда предоставляем на усмотрение конференции. Мы не против переизбрания федеративным секретарем тов. В. Выписывать для редакции газеты и журналы необходимо. Необходимо продолжать дело помощи политическим заключенным и музею Кропоткина по прежним методам. Предлагаем принять все меры, чтобы выкупить книгу Н. Махно. Отношение к рассвето-пробужденцам на прежних конференциях было отрицательным, а так как они с того времени не изменились, то, по нашему мнению, и наше отношение не должно быть изменено. Некоторые товарищи, и даже группы, высказывались на страницах „Дела Труда" за разграничение рассвето-пробужденцев на руководителей и руководимых, и в соответствии с этим разграничивать и наше отношение к ним, мы считаем, что такое подразделение неправильно, ибо и рядовые рассвето-пробужденцы не являются людьми совершенно несознательными, поэтому все они ответственны за дезорганизацию русского анархического движения в Америке.

ЭМБРИДЖ. (Рекомендация тов. М.). Нужно работать в рабочих организациях, но работа в них должна вестись выдержанными и знающими дело товарищами. Желательно выпускать „Дело Труда" ежемесячно или даже чаще. Финансировать журнал нужно в порядке пропорциональных членских взносов. Отношение к „Рассвету" и „Пробуждению" должно быть отрицательным и необходимо разоблачать МНИМЫХ АНАРХИСТОВ типа Моравского, Рубежанина и им подобных. Выписывать газеты и журналы для редакции необходимо. Тов. выражает желание взять на себя часть расходов по конференции и регулярно высылать членский взнос на издание „Дела Труда".

ЮНГСТАУН. Группа считает, что направление журнала должно быть анархо-коммунистическим. Раз'ездной агитатор нужен, как пища организму. Группа рекомендует выписывать для редакции газеты и журналы, если они, действительно, необходимы. „Рассвет" решили оставить в покое, что касается „Пробуждения", то решили предоставить на усмотрение конференции.

МОНТРЕАЛЬ, Канада. Союз Российских Тружеников высказывается: за работу членов нашей Федерации во всех рабочих организациях и за усиленную анархическую пропаганду в них, за активное содействие анархическому движению на английском языке. Журнал „Дело Труда" должен быть чисто анархо-коммунистическим. Научные и теоретические статьи должны быть без всяких следов государственности и национализма. Союз рекомендует финансировать журнал 50 сентовыми ежемесячными членскими взносами. Выписывать для редакции газеты необходимо. Необходимо об'единение с честными заблудившимися тружениками, попавшими в лапы святой троицы — „Рассвет"-Желтонога-„Пробуждение. Условием об'единения должен быть отказ пробужденцев от „Рассвета". Рекомендуем созвать совместную конференцию двух федераций и выработать условия об'единения. Об'единение наших сил необходимо для борьбы с буржуазией, фашизмом и большевизмом. Условия такого об'единения: 1. Отказ пробужденцев от „Рассвета"; 2. Прекратить издание „Дела Труда" и „Пробуждения" и издавать один общий орган „Волна", который должен стоять на чисто принципиальной анархической точке зрения; 3. Вместо закрытых журналов выпускать двух-недельную газету

„Труженик“; 4. Редакционные коллегии и редакторы „Дела Труда“ и „Пробуждения“ устраняются и заменяются новой смешенной редакционной коллегией.

ЛОС АНЖЕЛЕС. Союз Русских Рабочих. В виду того, что мы не видим организаций, которые были бы беспартийными — все, так называемые, массовые организации находятся под влиянием той или другой политической партии — мы считаем бесполезным и даже вредным участвовать в таковых. Союз рекомендует, где это возможно, создавать новые организации, в которых анархисты, несомненно, могут найти плодотворное поле деятельности. Союз за активное участие в английском анархическом движении. Союз рекомендует продолжать издание „Дела Труда“ в том же направлении, как до сих пор. Вопреки некоторым крикунам, мы находим, что направление „Дела Труда“ вполне соответствует анархо-коммунистическим взглядам. В отношении финансирования журнала мы стоим за ежемесячные членские взносы; со своей стороны мы будем продолжать вносить ежемесячно 5 долларов. Что же касается издательской деятельности, то Союз рекомендует воздержаться от каких либо изданий до выкупа книги Н. Махно. В отношении помощи политическим заключенным и музею П. Кропоткина Союз рекомендует собирать средства по силе возможности и разослать от имени Федерации листовку, об'ясняющую положение политических заключенных и ссыльных в СССР. Отношение Союза к рассвето-пробужденцам совершенно отрицательное.

ЛОС АНЖЕЛЕС. Группа „Дело Труда“. Состояние английского анархического движения очень плачевно: газеты „Мен“, „Фридом“ и английская страница „Авангарда“ в итальянской „Иль Мартелло“ выражают разные направления в анархизме. Примирить их невозможно. Движение распылено, поэтому трудно сказать что либо определенное о нашем участии в нем, а между тем массы действительно нуждаются и жаждут живого анархического слова. Расширение деятельности Федерации „Дела Труда“ зависит сейчас от раз'ездных агитаторов. Что касается помощи политическим заключенным, то нужно помогать не словом, а делом: там, где имеются большевистские консулы, нужно поднять против них, путем революционной агитации, общественное мнение, это может облегчить судьбу анархистов, находящихся в тюрьмах и ссылках СССР.

По окончании докладов с мест и чтения корреспонденций, конференция заслушала доклады федеративного секретаря; редакционной коллегии и редактора; конференция постановила напечатать финансовую часть доклада федеративного секретаря в „Дело Труда“. Во исполнение этого постановления приводим здесь этот доклад.

Финансовый отчет по изданию „Дела Труда“ со времени перевода журнала из Парижа в Чикаго, т. е. с 56-57 номера 1930 г., по 80-й № 1934 года.

Общий приход—2.378.35. Общий расход—2.353.44. Осталось на 81-й номер, октябрь-ноябрь 1934 года — 24.91.

Отчет по изданию Сборника им. П. А. Кропоткина

Общий приход—1.287,60. Общий расход—1.285.97. Осталось—1.63.

ПРИХОД ОТ ПРОДАЖИ СБОРНИКА: Поступило—139.53, остаток от общей суммы—1.63. Итого—141.16.

РАСХОД: почтовые расходы по пересылке Сборников—12.71; Выплачено тов. Волкову в счет 130 дол., данных им взаимообразно на издание Сборника—100.98, выплачено тов. Луфоренку—5.00, тов. Новику—2.00, в кассу Прогрессивного Клуба—20.00. Общий расход—141.16.

ОБЩИЙ ПРИХОД—141.16.

НА ПОМОЩЬ ЗАКЛЮЧЕННЫМ АНАРХИСТАМ В СССР за этот период было собрано 198.95, из которых 50 дол. было собрано группой гор. Ст.-Луиса, а 148.95 поступили через „Дело Труда“.

Среди групп и отдельных товарищей нашей федерации собирались и другие фонды, например, фонд товарища Душина, тов. Н. Махно, тов. Б. и разные другие.

Финансовая сторона журнала „Дело Труда“ в последнее время обстоит не плохо. За последние 8 месяцев было выпущено 4 номера, т. е. один номер каждые два месяца. Если группы и отдельные товарищи нашей федерации будут выполнять свой долг, в смысле присылки средств аккуратно и своевременно, то „Дело Труда“ обеспечено на двух-месячное издание. Ежемесячное издание пока еще не по силам по финансовым соображениям.

Заслушав и приняв доклады, Конференция приступила к обсуждению дальнейших вопросов порядка дня. По всем обсуждавшимся вопросам были вынесены резолюции, которые, *что следует подчеркнуть*, были приняты единогласно. Помимо резолюций конференция вынесла еще ряд пожеланий и решений. Эти пожелания следующие:

1. Конференция высказывает пожелание, чтобы в тех штатах, в которых имеется несколько групп, создавались штатные федерации этих групп, как это сделал Нью Гевен в штате Коннектикут.

2. Конференция рекомендует издавать дешевую литературу и на английском языке и принимает предложение кливеландского делегата, поддержанное нью-иоркским делегатом, издать на этом языке статью т. Максимова: „Что обещали и что дали“. Конференция, согласно предложению нью-иоркского делегата, рекомендует также издавать на русском языке Сборники из статей, как печатавшихся в „Дело Труда“, так и из статей, заимствуемых из других русских и иностранных анархических органов.

3. Заслушав доклад т. Еленского, члена группы „Фри Сосаэти“, о подготовительной работе по изданию на английском языке большой книги Максимова: „Научный Анархизм. Систематическое изложение учения М. А. Бакунина“, конференция постановила принять в издании этой книги посильное участие и оказывать этому делу всяческое содействие.

4. Конференция обращает внимание групп штата Пенсильвании и штата Огайо, а также и федеративного секретаря на тот факт, что такой большой промышленный город, как Питсбург, не имеет нашей группы. Конференция рекомендует принять все меры к возрождению русского анархического движения в Питсбурге.

5. Конференция рекомендует федеративному секретарю печатать в „Д. Т.“, дважды в год, общую сводку сумм, поступивших в фонд помощи политическим заключенным и ссыльным в СССР.

6. Согласно воле большинства делегатов, конференция приняла решение, что каждая группа покрывает сама свои расходы.

7. Конференция отказалась рассматривать дело о Чернякове (Федорове), что в Аргентине, и передала его на усмотрение заинтересованного в этом Союза Российских Тружеников г. Монтреаля, Канада.

РЕЗОЛЮЦИИ

НАШЕ ОТНОШЕНИЕ К „РАССВЕТО-ПРОБУЖДЕНЦАМ“

Наше отношение к газете „Рассвет“, к журналу „Пробуждение“, к лицам, издающим эти органы, и к лицам, поддерживающим их и солидаризующимся с их тактикой и линией поведения, довольно четко выражено на страницах нашего федеративного органа „Дело Труда“. Там дана самая правильная характеристика „Рассвета“: „Рассвет“ — проводник русского фашизма“. Самая правильная характеристика „Пробуждения“: „Пробуждение“ — орудие в руках „Рассвета“.

За последнее время реакционность „Рассвета“ не уменьшилась, а возрасла: газета стала на сторону американских крупно-капиталистических газет во время Сан-Францисской всеобщей стачки и вместе с ними одабривала деятельность погромных черносотенных организаций „виджилантис“; газета с особой энергией популяризует Русскую Демократическую Лигу, являющеюся отделом ныне правящей в Америке демократической партии; некоторые руководящие лица „Рассвета“ состоят членами этой Лиги и публично выступают на ее предприятиях, публично выступают с призывами жертвовать деньги на постройку задуманной попом Желтоногой церкви, что делал, по свидетельству самого „Рассвета“, организатор декабрьской пробужденческой конференции в Нью Иорке, Новин, являющийся руководящим лицом в „Рассвете“ и вдохновителем „Пробуждения“. „Рассвет“ продолжает печатать явно белогвардейские статьи, например, статья о Рерихе; газета извращает понятие о свободе вообще и о свободе слова и печати в частности, стараясь убедить простых рабочих и крестьян, что „Рассвет“, печатая белогвардейские бредни, проявляет максимальную свободу печати, а не проводит умышленно реакционную и контр-революционную линию.

Одного этого больше чем достаточно, чтобы раз и навсегда перестать рассматривать газету не только анархической, но и либерально-демократической — она газета реакционная и члены нашей федерации должны вести с ней борьбу как с таковой. Следовательно, **не может быть и речи об об'единении с рассветовскими элементами.**

Что касается „Пробуждения“, то оно так же остается тем, чем было раньше: заполняется анархическими статьями и служит орудием в руках „Рассвета“, с которым оно связано через посредство Новина и редактора „Пробуждения“ „Р“.

Цель главарей „Пробуждения“ — удержать за „Рассветом“ некоторых радикально настроенных рабочих, постепенно отравляя их радикализм рассветской реакционностью. Принимая это во внимание, наша федерация должна неустанно разоблачать связь „Пробуждения“ с газетой „Рассвет“ и тайные замыслы рассвето-пробужденической реакционной верхушки, состоящей из бывших анархистов, направленные к разложению русского анархического движения в Америке.

Принимая во внимание также и то, что все наши предложения пробужденцам об об'единении разбились об упорное сопротивление этой верхушки, мы вынуждены, в дальнейшем, прекратить на страницах нашего журнала все разговоры об об'единении и направить все усилия на то, чтобы об'единение это совершилось с теми пробужденцами и теми пробужденческими группами, которые уже ничего общего не имеют в идейном отношении с рассвето-пробужденческой верхушкой, но в силу каких либо причин не решаются окончательно порвать с ней. Это значит, что **вопрос об об'единении снимается со страниц нашего органа и переносится на места.**

Принимая все сказанное во внимание, а так же и то обстоятельство, что большинство пробужденческих групп сосредоточены в восточных штатах, конференция рекомендует нью-иоркской группе созвать совместно со штатом Коннектикут, общую об'единительную конференцию и конкретно выяснить возможность об'единения.

ОБ АНАРХИЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ И О НАШЕМ УЧАСТИИ В НЕМ

Этот вопрос ставился на всех наших конференциях и будет, повидимому, ставиться и впредь. Сложность этого вопроса заключается в том, что здесь, в Америке, фактически, нет организованного анархического движения, а имеются лишь отдельные группы и индивидуальности, которые напрягают все усилия к организации такового.

Все прекрасно сознают, что анархическая работа на английском языке здесь, в Америке, гораздо более необходима, чем на каком бы то ни было другом языке, поэтому конференция рекомендует всем членам нашей федерации помогать, по мере сил и возможности, и всячески содействовать организации английского анархо - коммунистического движения в Америке, родственного по идеям, духу, тактике и направлению нашей федерации, т. е. содействовать организации такого анархического движения, которое бази-

руется на революционном анархическом коммунизме Бакунина и Кропоткина. В этих целях всем членам нашей федерации рекомендуется поддерживать материально и морально анархические издания на английском языке: газеты, журналы, книги и брошюры и усиленно распространять их; рекомендуется вступать в английские анархические группы, содействовать организации, так называемых, „интернациональных групп“, настойчиво добиваться об'единения групп в федерацию, принимать активное участие во всех анархических предприятиях на английском языке. В этой работе каждый член нашей федерации может быть чрезвычайно полезным.

Конференция рекомендует федерации обратить особо серьезное внимание на анархическую молодежь и оказывать ей всяческое содействие в деле организации анархо - коммунистического движения.

О ПОМОЩИ ЗАКЛЮЧЕННЫМ И ССЫЛЬНЫМ НАШИМ ТОВАРИШАМ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ.

О МУЗЕЕ ИМЕНИ П. А. КРОПОТКИНА В МОСКВЕ.

Террор, гнет, рабство и реакция в Союзе Советских Социалистических Республик не ослабевают. Все активные работники нашего движения засажены в тюрьмы или загнаны в гиблые места ссылки. Многие уже томятся второй десяток лет. Надежды на освобождение или облегчение участи нет никакой. Ужасные условие тюремного заключения и ссылки; отсутствие надлежащего питания и сносной одежды, издевательства компалачей и оторванность от культурной жизни, уже свели в могилу многих товарищей, например, Рогдаева. На нашей обязанности придти на помощь страдальцам за нашу идею. До сих пор федерация делала все возможное, чтобы помочь материально и морально страждущим братьям. Конференция рекомендует не только не приостонавливать деятельность помощи заключенным и ссыльным, но повести ее еще с большей энергией, еще с большим напряжением, чем до сих пор. Нужно помнить, что заключенные и ссыльные явятся фундаментом возрождения анархического движения в освобожденной от большевистского деспотизма России, а помня это, нужно особо дорожить жизнью каждого нашего товарища в Советском Союзе.

Что касается музея имени П. А. Кропоткина в Москве, то Конференция рекомендует помимо сборов и добровольных пожертвований, учредить специальный фонд, который бы слагался из 5% отчислений со всех сумм, поступающих на издание „Дела Труда“. Это составит около 30—40 долларов в год, что, вместе со сборами анархистов других национальностей, составит достаточную сумму, чтобы содержать музей в надлежащем порядке.

Все сборы и добровольные пожертвования на политических заключенных и на музей П. А. Кропоткина, Конференция просит направлять на адресс федерации.

О ЖУРНАЛЕ НАШЕЙ ФЕДЕРАЦИИ „ДЕЛО ТРУДА“

Конференция считает, что направление журнала „Дело Труда“, с точки зрения анархического коммунизма, вполне удовлетворительно. Задача, которая стоит перед журналом и которая должна быть разрешена — это обогатиться еще большим количеством сотрудников, как русских, так и иностранных, и тем самым еще больше оживить и разнообразить наш орган. Привлечение видных анархических литературных и теоретических сил, несомненно, повысит интерес к журналу и еще больше укрепит нашу организационную деятельность.

Конференция рекомендует редакционной коллегии затрачивать некоторые, небольшие, суммы, если не на оплату труда сотрудников, то, по меньшей мере, на покрытие их расходов, связанных с сотрудничеством в „Дело Труда“.

Что касается финансирования „Дела Труда“, то конференция рекомендует аккуратно выполнять ныне действующий план финансирования, принятый всеми группами федерации, который базируется на членских взносах и добровольных пожертвованиях. Точное выполнение этого плана дает возможность выпускать журнал регулярно каждые два месяца.

ОБ ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАШЕЙ ФЕДЕРАЦИИ.

Помимо более или менее регулярного выпуска журнала „Дело Труда“, Федерация издала большую книгу: „Интернациональный Сборник П. А. Кропоткин и его учение“, а также четыре пятисентовых брошюры: „Мое социальное кредо“, „Рассвет“ — проводник русского фашизма“, „Анархизм“ и „Грядущая мировая бойня“.

Учитывая тяжелое экономическое положение членов нашей федерации, конференция рекомендует издательской группе выпустить в свет подготовленную уже к печати пятую брошюру и затем воздержаться от дальнейшего издания дешевых брошюр до более благоприятных экономических условий. Однако, конференция не рекомендует совсем прекращать издательскую деятельность, а лишь замедлить ее темп и издавать дешевую литературу

после предварительного запроса групп и организаций, входящих в нашу Федерацию.

Конференция рекомендует федеративному секретарю произвести учет, в порядке анкеты, наличности литературы, имеющейся в группах нашей федерации, составить списки и разослать их по группам и организациям.

О РАЗ'ЕЗДНЫХ ЛЕКТОРАХ.

Опыт всех прошлых лет показал, что раз'ездные лектора приносят большую пользу: они оживляют деятельность групп, оживляют застойную жизнь русской колонии, поднимают интерес к нашим идеям и к деятельности нашей федерации и, если не всегда увеличивают членский состав наших групп, в значительной мере расширяют сферу сочувствия вокруг групп, вокруг нашего журнала, вокруг всей нашей федерации, одним словом, вокруг наших идей; все это чрезвычайно важно, поэтому Федерация, как бы она не была бедна, должна хоть раз в год посылать лекторов во все города страны, где имеются ее группы или сочувствующие ей организации. Помимо общефедеративных лекторов, следует ввести в практику областные и районные об'езды групп местными силами. Для этой цели конференция рекомендует группам создать специальный фонд.

О ВЫПИСКЕ ГАЗЕТ И ЖУРНАЛОВ ДЛЯ РЕДАКЦИИ „ДЕЛА ТРУДА".

Всем известно, что для того, чтобы быть в курсе текущих событий, необходимо иметь как можно больше газет и журналов разных направлений, но это связано с большими расходами, непосильными отдельным лицам. До сих пор редакция „Дела Труда" была лишена возможности обзаводиться нужной периодической литературой и восполняла этот пробел в порядке частной инициативы. Принимая все это во внимание, конференция предоставляет редакционной коллегии право выписывать самые необходимые газеты и журналы за счет фондовых сумм „Дела Труда".

Кроме того, конференция рекомендует редакционной коллегии приобретать некоторые газеты и журналы в порядке обмена на „Дело Труда".

О СЕКРЕТАРЕ ФЕДЕРАЦИИ.

Секретарем Федерации конференция переизбрала тов. В—на.

Хроника международного рабочего движения

ИСПАНИЯ

(Сведения от 5 июля)

(МТР) Крупные всеобщие стачки, имевшие место в Испании на протяжении последних недель, характеризуются замечательным духом солидарности. Больше того, эти движения обнаружили волю масс к *революционному единству* на основе прямого действия. Теоретическая дискуссия о координации действий социал-демократического ВСР с анархо-синдикалистской Национальной Конфедерацией Труда, ведшаяся в последние месяцы, не дала никаких практических результатов. Причина этой неудачи — нежелание ВСР откровенно высказать свои революционные цели и выдвинуть определенные предложения. Зато во многих важных пунктах страны рабочие САМИ начали об'единяться и провели ряд революционных выступлений. Это, начиная с декабрьских дней 1933 г., свидетельствует о значительном прогрессе.

Героическая борьба рабочих Сарагоссы вызвала превосходное проявлене солидарности среди пролетариата всей страны. Следуя инициативе Каталонской НКТ, сотни рабочих семейств Каталонии, Валенсии, Мадрида и др. городов, решили взять на себя заботы о детях бастующих до победного конца стачки. В Барселоне газета „Рабочая Солидарность" в течении трех дней собрала 35,000 пезет в пользу детей бастующих. 6 мая тысячи рабочих собрались в районе анархо-синдикалистского ежедневника в ожидании прибытия транспорта детей бастующих. Вечером полиция зверски атаковала собравшихся и даже пустила в ход огнестрельное оружие. В результате убит один рабочий. В этот же день в Мадриде демонстрировало 25,000 рабочих, ожидавших прибытия в этот город детей бастующих. День прошел без вмешательства полиции. Теперь Каталонское правительство, долженствующее быть „радикальным", отказывает в разрешении на провоз детей через каталонскую границу.

По единогласному решению союзов, принадлежащих к Каталонской НКТ, последняя протестовала перед местным правительством против жестокостей полиции.

Небольшие реформистские социал-демократические и даже коммунистические рабочие организации признаны законом и даже поддерживаются властью, тогда как действительная массовая организация испанских рабочих, НКТ, все еще запрещена и с ней поступают как с внезаконной. В этом деле „левое" каталонское правительство работает на руку реакции и фашизма.

Парламентский режим в Испании разбит. Парламент разделен на бесчисленные антагонистические группы и новые политические фракции возникают в нем почти каждый день. Этот упадок, так называемый, „демократии" является наилучшим воодушевлением для фашистских элементов, руководимых реакционером Гиллом Раблесом. Они требуют роспуска парламента и назначения новых выборов. Действительная их цель — ревизия конституции. Левое крыло буржуазии, в значительной степени поддерживаемое социалистами, также стоит за новые выборы. Социал-демократ Бестейро откровенно защищает коалицию

с буржуазными республиканцами. А между тем, не так давно Кабальеро заявлял, что кооперация его партии с коалиционным правительством была печальной ошибкой, которая не должна больше повториться. Несмотря на это, социалист Приэто заявил в парламенте, что вполне одобряет политику правительства, членом которого он состоял. Положение в Испании очень серьезно. Современный режим неуклонно становится все более реакционным. В целях борьбы с рабочими увеличена полиция. Лидеры социал-демократов и ВСР не имеют и малейшего желания выполнять свои революционные обещания. Фашизм грозит стране. Единственная надежда испанского пролетариата — революционный единый фронт рабочих, но этому, однако, будут противиться рабочие политиканы.

Сейчас, когда мы выпускаем наш журнал, в Испании происходит революция против фашизма. Мы пока имеем сведения из буржуазных источников, которым нельзя доверять. В следующем номере мы надеемся дать точные сведения, исходящие непосредственно от наших испанских друзей.

Редакция.

ГЕРМАНИЯ

Подпольная работа.

(МТР) Анархо-синдикалисты, несмотря на преследования и опасности, создали в Германии подпольную организацию. Они мужественно ведут хорошую работу и издают небольшую газету, которая, конечно, печатается и распространяется нелегально. Газета пропагандирует революционное массовое действие. Товарищи делают превосходную работу просвещения немецких масс относительно фашизма, который парадирует в Германии в тоге национального социализма.

Большевистские ренегаты.

Очень многие члены Германской Коммунистической Партии превратились в предателей своих идеалов и своих товарищей. Двое из них, бывшие коммунистическими звездами Лейпцига, — *Досекке* и *Вальтер Отто*, — оказались наиболее подлыми. Недавно они раз'езжали с лекциями в интересах наци, а теперь они опубликовали брошюру во-имя вящей славы режима Гитлера. В этой брошюре они пишут: „Наше новое отношение, наша вера в идеал наци также священны для нас, как была священна для нас наша прежняя вера“.

Эрих Мюзам

В прошлом номере мы сообщали о „самоубийстве“ Мюзама. Наши сомнения в этом оправдались — Мюзама убили гитлеровцы, как сообщает его жена, бежавшая в Прагу и один из созаключенных Мюзама. В следующем выпуске мы напечатаем письмо жены Мюзама к Рокеру и рассказ созаключенного Мюзама, которые раскрывают весь ужас гитлеризма и трагедию Мюзама.

Редакция.

ЯПОНИЯ

Об'единение двух свободнических организаций.

(МТР) 18-го марта этого года, в день памяти Парижской Коммуны, в Токио состоялась общая конференция Федерации Свободных Профессиональных Союзов Японии и Свободной Федерации Профессиональных Комиссий — двух ведших параллельную работу анархо-синдикалистских организаций японского пролетариата. Задачей конференции было найти пути к единству. В результате работ конференции родилась новая об'единенная Свободная Федерация Профессиональных Союзов Японии с безвластнической программой. В виду реакции, господствующей в этой стране, конференция должна была принять все предосторожности, чтобы не нависти на след полицию. Это удалось и конференция благополучно закончилась и теперь японский пролетариат имеет одну об'единенную рабочую безвластническую организацию.

АНГЛИЯ

Джон Торнер.

9-го августа, в Брайтоне, на 70-ом году умер Джон Торнер. Более 40 лет Торнер был активным работником в анархическом и профессиональном движении. В 90-х годах, будучи приказчиком, он организовал союз и был его председателем до момента слияния союза с национальным Союзом Торгово-промышленных Служащих. После этого он стал организатором союза, а в дальнейшем главным финансовым секретарем. Торнер проработал в союзе 30 лет. 10 лет тому назад Торнер отказался от должности в союзе и поехал в 7-ми месячное путешествие по английским колониям. По возвращении из путешествия он читал лекции и был казначеем возродившегося „Фридом“. Как один из членов основателей газеты „Фридом“, Торнер в течении долгих лет, вместе с ее редактором Альфредом Маршем, был издателем этой газеты. Эти двое, вместе с Кропоткиным, Черкезовым, Кентвелом, мисс А. А. Девис, Вильямом Весом, Мери Криманд, Фридой Черкезовой и Келом, составляли группу, равную которой трудно было бы найти. Малатеста и Луиза Мишель не были тесно связаны с этой группой, но писали для „Фридом“, время от времени заходили в ее контору и были в дружеских отношениях со всеми членами группы.

В 1896 г. Торнер читал лекции во всех больших городах Америки. Он был прекрасным оратором и дискуссантом. Вскоре после издания в Америке анти-анархического закона, Эмма Гольдман организовала для него лекционный тур по Америке. Он приехал в Нью Йорк через Канаду. Он должен был читать лекции в нью-йоркском Мори Гиль Лайсеум. Полиция его уже поджидала — она дала ему возможность закончить речь, а потом арестовала и отправила на Эйлис Айланд, где он просидел 17 недель и выпущен был под залог Болтона Гола и Кларенса Дарроу. Ему разрешили продолжить его тур. Затем дело было перенесено в Высший Федеральный Суд, который постановил депортировать его, этим Суд установил прецедент высылки тысяч мужчин и женщин из страны. Никто не протестовал против этого.

Торнер не соблазнился выставить свою кандидатуру в Парламент, несмотря на настойчивые просьбы союза, как соблазнились многие другие, дошедшие до министров. Он остался верным рыцарем Анархии.

В 1924 г. Торнер посетил Россию, как член британской рабочей делегации. Он был единственным, который дал правильное освещение положения дел в стране Советов, не утаив от западно-европейских рабочих ничего из того, что видели его глаза и что слышали его уши.

В Союзе Советских Социалистическ. Республик

ПИСЬМА ССЫЛЬНЫХ.

№ 1

Дорогой друг!

Вряд ли вы в состоянии представить себе какое огромное удовольствие доставили мне и друзьям присланные вами журналы. Именно журналы. Газеты мало интересны. Вероятно здесь играет роль зрительное впечатление. Видеть жизнерадостные, веселые лица людей, не скованных тайгой темной, снегами и льдом, как саваном, всей этой нудной канителью заброшенного к Ледовитому океану городишка — это является причиной получаемого удовольствия. Точно также как и то, что пришло все это оттуда, из-за океана Тихого, из Америки, которую мы так старательно обгоняем. Спасибо большое. Шлите юмористические журналы.

Жму руку крепко. Привет от друзей.

Ваш **В.**

№ 2

Сегодня 3-е Мая. Река стоит, покрытая толстым полуторометровым льдом, неподвижно. Идут вести, что там, вверху, прет лед идет и вздыбливает ледяные горы. В затоне стоят суда. По случаю первого мая развиваются красные флаги. Красные флаги... Еще-еще немного и пойдут пароходы, понесут нам и от нас вести. В нашей жизни будет чуть-чуть шумнее, живее. Будет горячее солнце, богатая зелень, красивые, но без запаха, без аромата, цветы. Живем. Жизнь идет.

Я не верю, друг мой, чтобы вы мне не писали. Снова получил вторую партию журналов. Какое большое-большое удовольствие, как яркий свет в подвале! Немудренные, мещански плоские остроты, поверхностьность, без нашей „достоевщины“ жизнь. Люди смеются, веселятся, хорошо одеты, могут думать, говорить, писать... Глубоко вздохнешь и передаешь другому журналы. Молчи сердце, молчи! Красные флаги рвет порывистый ветер. Ветер дико хохочет... Шлите журналы, шлите... Так глубоко благодарны вам, всем друзьям.

Привет из оттаившей Сибири

Ваш **Б.**

ВЕСТИ ИЗ ССЫЛКИ

Тов. ПАВЕЛ ГЕРАСИМЧИК переведен из Березова в Симферополь. Работает в типографии. Нуждается.

Тов. ВЛАДИМИР ХУДОЛЕЙ находится в Нарыме, в деревне Брагино. Без работы. Страшно нуждается. У жены туберкулез. Живут одним огородом.

Тов. А. А. БОРОВОЙ возвращен из Вятской ссылки и живет около Москвы под надзором полиции.

Тов. БАРМАШ отбывает ссылку в г. Енисейске, Восточная Сибирь.

КОРРЕСПОНДЕНЦИИ С МЕСТ

МОНТЕВИДЕО

ВИЖЕ дель СЕРРО, Урагвай

Открытое письмо рабочих к русской трудовой интеллигенции

Терпимость и выдержанность дает силу рабочим и крестьянам в борьбе с капиталом и властью. Радостно видеть, когда рабочие и крестьяне, не взирая ни на какие преграды, не взирая на холод, голод, безработицу, выбрасывание из квартир, не взирая на риск попасть в лапы свирепой полиции иезуита и диктатора Гаврила Терра и потерять свободу или даже жизнь, затрачивают свои последние кровно заработанные тяжелым трудом гроши на рабочую революционную анархическую прессу, к примеру, „Дело Труда“, и ведут энергично пропаганду АНАРХИИ, т. е. свободы и экономического равенства.

Совсем не то наблюдается среди так называемой трудовой интеллигенции. Она в большинстве своем потеряла всякую веру в идеалы, живет минутой, преследует минутные грубо-эгоистические интересы, во имя достижения которых примыкает к белым и рабски гнет спину перед победителями рабочего класса, и часто помогая этой победе. Несмотря на все это, мы, рабочие и крестьяне, призываем трудовую интеллигенцию вступить в наши ряды и вместе с нами вести самоотверженную борьбу за общее дело свободы и экономического равенства — за АНАРХИЮ. Помните, Справедливость убить нельзя. Опричники Сталина, Муссолини, Гитлера, Дольфуса и других врагов народной свободы расстреливают эту справедливость, годами распинают ее на кресте и все же не могут ее убить — она, в конечном счете, победит. Путь прогресса лежит от рабства к свободе, от нищеты к довольству и неразумен тот, кто, во имя временных личных выгод, об'единяется с палачами справедливости и свободы, глупо надеясь, что их карликовые усилия изменят путь прогресса в обратную сторону и увековечат рабство и эксплоатацию. Время работает на АНАРХИЮ, а рабочие и крестьяне помогают ему, несмотря на все преследования, несмотря на риск потерять жизнь в подвалах ГЕПЕУ и других застенках господ современного положения. Везде и повсюду рабочие разоблачают ложь капитализма, ложь демократии и сладчайшую ложь марксизма, ложь государства, всякого государства — буржуазного и социалистического, ложь всеобщего голосования, которое, между прочим, защищает редактор „Рассвета“, бывший анархист, Моравский. Не книги, не университеты, а простой, грубый исторический опыт научил нас одной истине — власть развращает людей, и кого бы не выбрали, Моравского или другого, он неизбежно становится угнетате-

лем, притеснителем, врагом свободы и равенства. Он становится учителем, а мы, народ, — учениками, неспособными, по их мнению, перейти из первого класса во второй. Они кричат: народ надо учить! И учат народ пулеметами, газами, тюрьмами, виселицами. Мы, народ, рабочие и крестьяне, темны,—верно; мы нуждаемся в науке, — тоже верно. Так придите же к нам и учите нас не пулеметами и тюрьмами, а солидарной с нами работой и борьбой против всего того, что делает нас темными и неучеными. Мы сознаем свою силу и свою мощь, мы понимаем и знаем, что Труд творец всего, мы знаем, что „ни одна машина не заграхочет, если рабочий не захочет". Но мы знаем и другое, что это не все для освобождения, что еще нужна и организация. Вы, трудовая интеллигенция, можете восполнить этот недостаток и тем ускорить момент всеобщего освобождения от капиталистического рабства. Наконец, вы должны помнить, что вы обладаете вашей интеллигентностью только благодаря нашей эксплоатации; вы, если вы сознательны, в долгу у народа и ваш моральный долг, моральная обязанность возвратить этот долг, а уплатить этот долг вы сможете только тогда, когда станете в ряды великой армии рабочих и крестьян, борющихся за свободу всех, за равенство и довольство. Так поторопитесь же, пока не поздно, расплатиться с долгом — придите к нам, боритесь вместе с нами, работайте вместе с нами за АНАРХИЮ и КОММУНИЗМ.

ДЕТРОИТ, Мич.

Товарищи из Федерации „Дела Труда" не теряют надежды, что об'единение с пробужденцами дело возможное, С этой целью пишутся обращения и призывы, которыми стараются пробудить у пробужденцев революционный дух и интерес к рабочему движению. Я считаю, что все призывы к об'единению с пробужденцами со стороны делотрудовцев, — лишние и ненужные.

Если бы пробужденцы действительно были революционерами, то они учитывали бы, что об'единение есть великое дело в рабочем движении и не отклонили бы предложение детроитской группы „Дела Труда".

Что пробужденцы не революционеры можно видеть из тех лекций, которые они устраивали в Детроите. Прошлую зиму у них читали исключительно „желтые" — бывшие царские прокуроры, офицеры, кадетствующие профессора и пр. Пробужденцы не хотят понять, что сегодня эти люди читают лекции под их охраной, а завтра, захватив власть, эти же лектора будут откручивать им головы, конечно, не своими руками.

Революционные лекции делотрудовцев им не по душе и они организованно старались срывать их, что им не удалось. От этой неудачи они никак не могут успокоиться и стараются мстить, заявляя, что если наш лектор в следующем сезоне осмелится разоблачать их, то они снимут его с трибуны.

Дальше, на последней своей конференции, которая происходила в Нью Иорке, они постановили бойкотировать „Дело Труда" и поддерживать „Рассвет", „как рабочий орган", в котором находят приют попы, бывшие царские офицеры и пр. подобные же элементы с определенно реакционной идеологией. Все это достаточно характеризует наших детроитских пробужденцев.

Я согласен с Союзом Российских Тружениковн гор. Монтреаля, что с рассвето-пробужденческой верхушкой не может быть никакого об'единения. Что же касается рядовых членов пробужденчества, то это другой вопрос. С ними можно и следует об'единиться, если они сознают необходимость вылезти из той реакционной тины и грязи, в которую их загнала рассветовщина.

Однако я не полагаюсь на призывы, я думаю, что только время отнимет у рассвето-пробужденцев возможность прикрываться именем анархизма. Глубоко уверен, что волна времени смоет их и очистит борт революционного корабля от ненужного балласта.

В Детроите доминирует правые элементы, которых пробужденцы не стараются обессиливать, а наоборот, подталкивают русскую колонию в их об'ятия. Доказательством этого могут служить лекции, об'диненные митинги, собрания, предприятия, массовые слеты на пикники, об'явления в „Рассвете" о всех этих предприятиях, организованный срыв делотрудовских лекций, отказ от публичной дискуссии с делотрудовцами и много-много других фактов подобного рода.

Теперь судите сами, возможно ли об'единение.

К. Сабодаш.

ДОСАДНАЯ ОПЕЧАТКА

В Кливеландском отчете о розыгрыше часов в пользу „Дела Труда" допущена, по вине редакции, досадная опечатка: выигрыш пал не на № 77, как было напечатано, а на № 177.

ОТЧЕТ
Редакционной коллегии по изданию журнала „Дело Труда" № 81.

ПРИХОД:

ЗА ПРОДАННЫЕ ЖУРНАЛЫ: Скобликов, Чикаго—0.10; Группа Нью Иорка—2.50; Группа Ст.-Луиса—2.50; Группа Акрона—2.00; Ф. Квасниченко, Аргентина—3.00; Группа Детроита—5.00; Прогрессивное Землячество, Филадельфия—10.00; Союз Русских Рабочих, Сан Франциско —10.00; Волков, Чикаго—2.05; Володькин, Чикаго—1.15; Бабич, Онтарио, Канада—1.00; Алешкевич, Бриджпорт —1.00. ИТОГО—40.30.

В ФОНД „ДЕЛА ТРУДА": От бетлегемского и нью-иоркского Малого—5.00; Группа Нью-Иорка—7.50; Группа Ст.-Луиса—4.25; Группа Акрона—1.50; Группа Детроита—2.25; Ф. М. Эмбридж—1.00; Н. Феденко, Бетлегем —3.00; Прогрессивное Землячество, Филадельфия—10.50; тов. Левина (подписка)—2.00; Союз Русских Тружеников, Монтреаль—5.00; Гоголь, Детроит—1.50. ИТОГО 43.50

ПОЛИТИЧЕСКИМ ЗАКЛЮЧЕННЫМ: Ф. М., Эмбридж—1.00.

ЗА ЛИТЕРАТУРУ: Скобликов за бр. „Анархизм"—0.5; Группа Ст.-Луиса за бр. „Анархизм"—1.15; за бр. „Гряд. Мировая Бойня"—0.65; Группа Акрона за бр. „Грядущая Мировая Бойня—1.50; Группа Детроита, за бр. „Анархизм"—0.15. ИТОГО—3.50.

Переходная сумма 24.91.

ВСЕГО—113.21.

РАСХОД:

Типографии—83.00; Экспедиция журнала—9.97; Сотрудникам в Европу—6.00; В комитет по изданию пятисентовой литературы—3.50; В комитет политических заключенных—1.00; Мелкие почтовые расходы—0.71; Почтовый расход фед. секретаря—1.85.

ВСЕГО 106.03. ПРИХОД 113.21. РАСХОД 106.03

ОСТАЛОСЬ НА № 82-й 7.18.